

ЖАК ФИЛИПП

ВНУТРЕННЯЯ СВОБОДА

Сила веры, надежды и любви

Перевод с французского: Луция С., Иерусалим

ВВЕДЕНИЕ

«Где Дух Господень, там свобода»
Апостол Павел¹

«Мы отдадим Богу нашу волю, разум, способности, все свое существо, – наш дар пройдет через руки и сердце Пресвятой Богородицы. И тогда мы обретем ту бесценную свободу души, где уже нет тревог и печалей, уныния и принуждения, и всей этой мелочности духа. Мы оторвемся от себя и выйдем в открытые воды, освобождаясь от собственной самости и прирастая к Нему – Бесконечному».

Мать Ивонна-Эме де Малеструа²

В этой книге мы хотим рассмотреть стержневую для христианской жизни тему внутренней свободы. Цель проста: я считаю, что каждому христианину чрезвычайно важно осознать, что даже в самых неблагоприятных внешних обстоятельствах он располагает – в себе самом – пространством свободы, которое никто не может у него отнять, потому что его источник и гарант сам Бог. Без этого открытия

¹ 2 Кор 3,17

²цит. по: Paul Labutte, *Une amitié voulue par Dieu*, éd. François-Xavier de Guibert

нам всегда будет тесно в жизни, и мы никогда не вкусим истинного счастья. Напротив, если мы сумеем развернуть внутри себя это пространство свободы, то, хоть нам не избежать страданий, все же ничто нас не сможет по-настоящему ни раздавить, ни задушить.

Основной тезис, который мы собираемся развить, весьма прост, но чрезвычайно важен: человек обретает внутреннюю свободу ровно в той мере, в какой утверждается в нем вера, надежда и любовь. Мы конкретно покажем, насколько динамизм веры, надежды и любви, именуемых «богословскими добродетелями», является сердцем духовной жизни; а также осветим ключевую для нашего внутреннего роста роль надежды. А поскольку эта добродетель надежды не может по-настоящему раскрыться в отрыве от духа бедности, то, стало быть, можно рассматривать данную книгу как комментарий к первой заповеди блаженств: *«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное»*³.

Мы также углубим некоторые темы, рассмотренные нами в предыдущих книгах: о душевном мире, молитвенной жизни и послушании Святому Духу⁴.

Надеемся, что эта книга будет в помощь всем, кто желает открыть свое сердце Святому Духу и тому изумительному внутреннему обновлению, что Он хочет в нас совершить, чтобы мы могли войти в свободу славы детей Божиих.

³ Мф 5,3

⁴ *Ищи мира и следуй за ним, Время для Бога, В школе Святого Духа.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СВОБОДА И ПРИНЯТИЕ

1. Поиски свободы

На первый взгляд может показаться, что понятие «свобода» представляет собой ту самую точку, где смыкаются современная культура и христианство. Последнее и в самом деле выглядит как призыв к свободе и освобождению. Чтобы в этом удостовериться, достаточно открыть Новый Завет, где весьма часто употребляются слова «свободный», «свобода», «освободить»: *«Истина сделает вас свободными»*, – говорит Иисус⁵. Апостол Павел утверждает: *«Где Дух Господень, там свобода»*⁶, и еще в другом месте: *«Стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства»*⁷. Святой Иаков называет христианский закон *«законом свободы»*⁸. Но нужно еще знать, какова истинная природа этой свободы – что мы и попытаемся понять.

Как каждый может с очевидностью констатировать, вот уже несколько веков в современной культуре звучит неудержимое

⁵ Ин 8,32

⁶ Кол 3,17

⁷ Гал 5,1

⁸ Иак 2,12

стремление к свободе. Известно, однако, и то, насколько понятие свободы может быть неоднозначным и вести к заблуждениям, влекущим за собой чудовищные безумия и смерть миллионов. Лучшим, увы, свидетелем того стал двадцатый век. И все же стремление к свободе продолжает проявляться во всех сферах: социальной, политической, экономической, психологической. Нет сомнений, что говорят о нем столь много именно потому, что, несмотря на весь «прогресс», оно остается неудовлетворенным...

В вопросах морали единственная, похоже, ценность, по отношению к которой еще проявляется некоторое единодушие в начале третьего тысячелетия, это свобода: все более-менее согласны, что уважение свободы другого человека остается основополагающей этической нормой. Впрочем, это скорее в теории, чем на практике (ведь западный либерализм становится по-своему все более тоталитарным). И возможно, защита "свободы" является всего лишь проявлением характерного для нашего времени сугубого эгоцентризма, где уважение свободы каждого это не столько признание этической нормы, сколько индивидуалистическое требование: никто не лезь в мои дела и не мешай мне делать то, что мне хочется!

Свобода и счастье

Следует, однако, отметить, что столь сильное в современном человеке стремление к свободе, хоть оно и содержит немалую долю иллюзий и реализуется порой неверными путями, все же несет в себе нечто очень верное и благородное.

Ведь человек создан не для того, чтобы быть рабом, но для того, чтобы властвовать над всем творением. Об этом ясно сказано в книге Бытия. Он не предназначен влачить кучье бесцветное существование, зажатое в тесные рамки – он создан для простора. Человеку невыносимы ограниченные пространства – просто потому, что он создан по образу Божию и в нем живет непреодолимая потребность чего-то абсолютного и бесконечного. В этом его величие, в этом же порой и его беда.

Человек столь жаждет свободы потому, что самое его глубинное стремление – это стремление к счастью, и он интуитивно чувствует, что нет счастья без любви и нет любви без свободы. И это совершенно верно. Человек создан из любви и для любви, и он не может обрести счастья иначе, как любя и будучи любимым. Как говорила святая Екатерина Сиенская⁹, человек не может жить не любя. Проблема его в том, что часто он любит неправильно; он эгоистично любит лишь самого

⁹ «Душа не может жить без любви, ей всегда нужен предмет любви: ведь она сделана из любви, и по любви Я ее сотворил.» *Диалоги*, гл.51

себя - и в конце концов остается неудовлетворен, так как только истинная любовь может его наполнить.

Как верно, что только любовь может наполнить человека, также верно и то, что нет любви без свободы: любовь из принуждения, из какого-то интереса или просто ради удовлетворения своей потребности не может именоваться любовью. Любовь не берется силой и не покупается. Истинная - и потому счастливая - любовь может быть лишь между людьми, которые свободно располагают собой, чтобы дарить себя друг другу.

Так интуитивно ощущается необычайная ценность свободы: она определяет величие любви, а любовь это условие для счастья. Несомненно, что именно из-за предчувствия, пусть и смутного, этой истины люди придают такую важность свободе, и с этой точки зрения они совершенно правы!

Но как придти к этой свободе, что дает расцвести любви? Чтобы помочь тем, кто хочет этого достичь, мы для начала коснемся некоторых широко распространенных иллюзий, от которых никто полностью не застрахован и от которых необходимо избавиться, чтобы обрести истинную свободу.

Свобода: притязание на автономность или согласие быть зависимым?

Как было сказано выше, идея свободы кажется точкой встречи христианства и современной культуры. Однако в этой же точке они, пожалуй, и наиболее радикально расходятся. Для современного человека быть свободным часто означает возможность сбросить с себя всякую обязанность и всякое начальство: «Ни Бога, ни хозяина». В христианстве, напротив, свобода не обретается иначе как в подчинении Богу – в том самом «послушании веры», о котором говорит Апостол Павел¹⁰. Истинная свобода это не столько завоевание человека, сколько дар Божий, плод Святого Духа, и человек обретает ее в той мере, в какой он с любовью принимает факт своей зависимости от Творца и Спасителя. Здесь проявляется во всей полноте евангельский парадокс: «Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее»¹¹. Другими словами: кто хочет любой ценой сохранять и отстаивать свою свободу, ее потеряет, но кто согласиться «потерять» ее, предав ее с доверием в руки Божии, – обретет ее: она вернется к нему бесконечно более глубокой и прекрасной – как чудесный дар Божией любви. Как мы далее увидим, наша свобода на самом деле прямо пропорциональна

¹⁰ Рим 1,5

¹¹ Мф 16,25

любви и сыновнему доверию, которые связывают нас с нашим Небесным Отцом.

О том же свидетельствует и живой опыт святых: они целиком и полностью предали себя Богу, желая творить лишь Его волю, и постепенно получили взамен ощущение огромной свободы, которую ничто в мире не может отнять, откуда и их безмерное счастье. Как это возможно? Шаг за шагом мы попытаемся это понять.

Свобода: внешняя или внутренняя?

Другая глубокая иллюзия относительно свободы – это воспринимать ее как некую внешнюю реалию, зависящую от обстоятельств, а не как реалию прежде всего внутреннюю.¹² В этой области, как и во многих других, мы воспроизводим драму, пережитую святым Августином: “Ты был во мне, а я был вовне, и вовне искал Тебя!”¹³

Поясним. Чаще всего у нас создается впечатление, что нашу свободу ограничивают внешние обстоятельства: навязанные обществом законы, всякие взваленные на нас обязанности, те или иные ограничения, в плену которых мы пребываем – в плане физических возможностей,

¹² Это простая очевидность, но порой мы долго идем к ее пониманию: пока наше чувство большей или меньшей свободы зависит от внешних обстоятельств – это как раз и есть знак того, что мы еще по-настоящему не свободны!

¹³ *Исповедь*, книга 10

здоровья и т.п.. И тогда для обретения свободы нужно было бы устранить эти обязанности и ограничения. Задыхаясь в плену обстоятельств, мы злимся на людей или структуры, которые нам кажутся тому причиной. И сколько еще, к тому же, питаем обид на все, что в жизни идет не по-нашему и мешает нам быть свободными – в нашем понимании!

В таком взгляде на вещи есть, разумеется, некая доля правды. Бывают ограничения, против которых надо принимать меры, и парализующие обстоятельства, из которых нужно стремиться вырваться, чтобы завоевать свободу. Но есть в нем и большая доля иллюзий, которые необходимо разоблачить, иначе мы рискуем так никогда и не вкусить настоящей свободы. Даже если бы вдруг исчезло все, что, как мы считаем, препятствует нашей свободе, это никак бы не гарантировало, что мы обретем полноту свободы, к которой стремимся. Раздвигая старые границы, чуть дальше мы наталкиваемся на новые. Риск тут в том, что зациклившись на вышеописанной проблематике, человек может оказаться в процессе бесконечной борьбы и в постоянной неудовлетворенности. Мы всегда будем сталкиваться с болезненно сковывающими обстоятельствами. От некоторых из них мы можем избавиться – и перед нами встанут другие, и более неподатливые: физические законы природы, пределы человеческих возможностей, условия жизни в обществе...

Освобождение или самоубийство?

Жажда свободы в сердце современного человека часто выражается и в отчаянной попытке преодолеть барьеры, в которых он чувствует себя как бы запертым. Ему все время хочется идти еще дальше, еще быстрее, обладать еще большими возможностями преобразования реальности. Это ощущается во всех сферах бытия. Люди думают, что станут более свободны когда «прогресс» биологии позволит выбирать пол ребенка. Они воображают, что найдут свободу в непрекращающихся попытках выйти за пределы своих возможностей. Мало им «обычного» альпинизма – они бросаются в «экстремальный», пока в один прекрасный день не зайдут слишком далеко и захватывающее приключение не окончится смертельным срывом. Эта самоубийственная сторона такого поиска свободы весьма символично выведена в последней сцене фильма «Голубая бездна»: герой картины, очарованный легкостью и свободой движений дельфинов в глубинах океана, в конце концов уплывает с ними. Но в фильме опускается одна очевидная деталь: тем самым он обрекает себя на верную смерть! Сколько молодых людей погибают из-за чрезмерной скорости или передоза героина, потому что не находят настоящих путей для осуществления своего стремления к свободе! Но тогда, не является ли она просто недостижимой мечтой, от которой лучше бы отказаться и

удовлетвориться жизнью тусклой и посредственной? Конечно же, нет! Но надо открыть в себе самом – и в близком общении с Богом – истинную свободу.

В сердцах ваших тесно

Попытаемся объяснить природу этого пространства внутренней свободы, которое каждый носит в себе и которое у него никто не может отнять. Для этого мне хотелось бы привести один маленький эпизод, связанный со святой Терезой Младенца Иисуса, который был для меня весьма полезен.

За долгие годы я многому научился у святой Терезы, в ее школе простоты и евангельского доверия, и она стала мне как очень близкий друг. Несколько лет назад, когда только начинались "паломничества" ее мощей по городам и странам, я как раз был в Лизье. Кармелитки попросили братьев из Общины Блаженств помочь перенести драгоценную (и тяжеленную) раку с мощами в машину, которая должна была доставить ее по месту назначения. Я вызвался на это симпатичное поручение, что неожиданно предоставило мне возможность войти в кармелитский монастырь и, с радостью и волнением, своими глазами увидеть изнутри ту самую обитель, где жила Тереза: больничную палату, внутренний дворик с галереями, прачечную, сад с каштановой аллеей – все те заочно знакомые места, которые наша святая

упоминает в своих *Автобиографических рукописях*. Одно меня поразило: все это было гораздо меньше, чем я мог себе представить. К примеру, уже незадолго до смерти Тереза с юмором рассказывает о сестрах, что заходили к ней поболтать, отправляясь на сенокос; но обширный луг, который представлялся моему воображению, оказался с гулькин нос!

Этот незначительный вроде бы факт – теснота Терезино монастыря – заставил меня задуматься. Я вдруг осознал, в насколько ограниченном, с человеческой точки зрения, мире она жила: маленький провинциальный Кармель банальной планировки, крошечный садик, небольшая община сестер, зачастую не блестящих образованностью, культурой и манерами; далеко не солнечный климат... И ее столь краткая жизнь в этом монастыре: всего десять лет! Однако – и именно этот парадокс так меня поразил – когда читаешь рукописи Терезы, там совершенно нет ощущения жизни в ущербном мире, как раз наоборот. Если абстрагироваться от некоторых условностей стиля, то ее манера самовыражения, ее духовное восприятие создают ощущение объема, удивительной шири. Тереза живет на просторе бескрайнего милосердия Бога и своего безграничного стремления Его любить. Она чувствует себя королевой и весь мир у ее ног, потому что она может получить от Бога все, и из любви отправиться в любую точку вселенной, где какому-нибудь миссионеру нужна ее молитва и ее жертвы!

Стоило бы провести филологическое исследование о важности в рукописях Терезы оборотов, выражающих беспредельность ее духовного пространства: «бескрайние горизонты», «безбрежные желания», «океаны милостей», «бездны любви», «потoki милосердия» и так далее. Это особенно ярко видно в *Рукописи «В»*, где Тереза рассказывает, как она нашла свое призвание в сердце Церкви. Разумеется, есть у нее и страдание, и «монотонность жертвы», но преображенные все превосходящей интенсивностью внутренней жизни.

Почему же такой на человеческий взгляд тесный и бедный мирок Терезы создает впечатление столь просторного и обширного? Почему из ее рассказа о жизни в кармелитском затворе возникает такое ощущение свободы?

Просто-напросто из-за интенсивности ее любви. Она охвачена любовью к Богу, деятельной любовью к своим сестрам, и с материнской нежностью охватывает Церковь и весь мир. Вот ее секрет: ей не тесно в крошечном монастыре, потому что она любит. И любовь все преображает и вносит нотку бесконечности даже в самые обыденные вещи. Все святые познали это на опыте: «Любовь – это таинство, преображающее все, к чему она прикасается, в нечто прекрасное и благоугодное Богу. Любовь Божия освобождает душу, делая ее королевой, не знающей рабской зависимости», –

восклицает святая Фаустина в своем духовном дневнике.¹⁴

Когда я размышлял об этом, мне вспомнилась фраза Апостола Павла, адресованная коринфским христианам: *«Вам не тесно в нас; но в сердцах ваших тесно»*.¹⁵

Частенько нам бывает тесно в обстоятельствах, в семье, в нашем окружении. Но может быть, настоящая проблема в другом: на самом деле, тесно у нас в сердце, и в этом-то причина недостатка свободы. Если бы мы больше любили, любовь внесла бы в нашу жизнь новое измерение – бесконечность – и нам не было бы уже так тесно.

Я не хочу сказать, что не бывает объективных ситуаций, требующих изменения, и угнетающих обстоятельств, в которых человек задыхается и с которыми надо что-то делать, чтобы сердце испытало настоящую внутреннюю свободу. Но полагаю, что мы часто впадаем в иллюзии. Мы обвиняем окружающую среду, тогда как суть вопроса в ином. Нехватка свободы происходит от недостатка любви: мы считаем себя жертвой неблагоприятных обстоятельств, тогда как истинная проблема (как и ее решение) – в нас самих. Это сердце стало узником собственного эгоизма или страхов, и это оно должно измениться и научиться любить, дать Святому Духу себя преобразить, – и только так можно выбраться из ощущения тесноты, в которой мы зажаты. Кто не умеет любить, всегда

¹⁴ Св. Фаустина Ковальска, *Дневник*

¹⁵ 2 Кор 6,12

будет считать, что его поставили в неблагоприятные условия и чего-то недодали, и всюду ему будет тесно; а тому, кто любит – везде простор. Этому меня научила святая Тереза. Она же помогла мне понять еще одну важную вещь, о которой мы поговорим чуть позже: неспособность любить происходит чаще всего от недостатка веры и надежды.

***Свидетельство для нашего века:
Этти Хиллесум***

Мне хотелось бы кратко упомянуть еще одно, более современное нам свидетельство внутренней свободы, весьма отличное от Терезы Младенца Иисуса и в то же время очень близкое, которое меня глубоко тронуло. Речь идет об Этти Хиллесум – молодой еврейке, погибшей в Освенциме в сентябре 1942-го; ее дневник был опубликован в 1981 г.¹⁶. Ее «история одной души» разворачивается в Голландии в момент, когда нацисты усиливают гонения на евреев. Благодаря другу-психологу, тоже еврею, она, не становясь формально христианкой, открывает для себя ценности, составляющие сердце христианства: молитву, присутствие Бога в ней самой, евангельский призыв с доверием предаться в руки Божественного Провидения. Потрясающе, как эта молодая женщина,

¹⁶ Этти Хиллесум, *Прерванная жизнь. Дневник (1941-1943)*

эмоционально неустойчивая, но чрезвычайно требовательная к себе во всем, что касается истины, старается жить этими ценностями; и, лишаясь постепенно всех внешних свобод, в то же самое время обнаруживает в себе счастье и внутреннюю свободу, которой уже никому у нее не отнять. У нас будет еще повод процитировать некоторые фрагменты из ее записей; но вот один из самых знаменательных эпизодов ее духовного опыта:

«Сегодня утром я ехала на велосипеде по Стадионкаде и, восхищаясь широким горизонтом, что открывается на окраинах города, полными легкими вдыхала свежий воздух, который нам пока не ограничен. У каждой ведущей на природу тропинки стояли таблички, что евреям проход воспрещен. Но над еще дозволенным нам кусочком дороги небо распаивается во всю свою ширину. Никто не может против нас ничего сделать, абсолютно ничего. Можно сильно усложнить нам жизнь, лишить нас определенных материальных благ, ограничить нам свободу передвижения – чисто внешне, но ведь это мы сами, своими губительными психологическими установками, лишаем себя жизненных сил. Когда ощущаем себя загнанными, униженными, угнетенными. Когда ненавидим. Когда хорохоримся, чтобы скрыть страх. Да, у нас есть полное право быть порой печальными и пришибленными от того, чему нас подвергают: это по-человечески и понятно. И тем не менее, настоящий урон себе наносим все же мы сами. Я нахожу, что жизнь

столь прекрасна, и чувствую себя свободной. Во мне и небо и земля разворачиваются во всю свою ширь. Я верю в Бога и верю в человека, и без ложного стыда осмеливаюсь это сказать. (...) Я счастлива и пою хвалу этой жизни – о да! – в лето Господне – опять и всегда Господне – 1942, которое уже по счету этой войны?»¹⁷

***Внутренняя свобода:
свобода верить, надеяться, любить***

В струе пережитого Терезой и Этти, мне хотелось бы теперь развить следующую мысль: истинная свобода, высочайшая свобода верующих состоит в том, что, с помощью Святого Духа, который *«подкрепляет нас в немощах наших»*¹⁸, у нас в любых обстоятельствах есть возможность верить, надеяться и любить. И в этом никто и никогда не может нам воспрепятствовать. *«Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем.»*¹⁹

Никакие обстоятельства не имеют власти помешать мне верить в Бога, целиком и полностью Ему доверяться с упованием, любить

¹⁷ там же

¹⁸ Рим 8,26

¹⁹ Рим 8,38-39

Его всем сердцем и любить моего ближнего. Вера, надежда и любовь обладают суверенной свободой, потому что когда они достаточно в нас укоренены, то могут питаться даже тем, что им противостоит! Если меня преследуют, пытаюсь не дать мне любить, у меня всегда есть возможность простить моих врагов и преобразить ситуацию гонений в еще большую любовь. Если хотят задушить мою веру, отнимая у меня жизнь – моя смерть становится самым прекрасным исповеданием веры, какое только можно вообразить! Любовь, и только любовь способна побеждать зло и извлекать из зла добро.

В последующих главах мы проиллюстрируем различные аспекты этой драгоценной истины, ибо тот, кто ее поймет и претворит в жизнь, сможет достичь полной свободы. Возрастать в вере, надежде и любви – вот единственный путь, ведущий к свободе.

Но прежде важно рассмотреть различные формы конкретного проявления свободы.

Свобода в действии: выбирать или соглашаться?

Мы уже говорили выше об искаженном представлении о свободе, из-за которого люди часто полагают, что единственное настоящее проявление свободы заключается в том, чтобы из разных возможностей выбирать наиболее подходящую. При этом считается, что чем шире

выбор, тем больше свободы. То есть, что мера свободы прямо пропорциональна количеству возможных опций.

Такое понимание свободы, хотя оно и заходит довольно быстро в тупик и противоречия, тем не менее все время подсознательно присутствует. Нам хочется, чтобы в любой жизненной ситуации у нас «был выбор». Выбор, где провести отпуск, выбор профессии, сколько детей иметь... Может, скоро станем выбирать и их пол и цвет глаз? Мы мечтаем о жизни наподобие гигантского супермаркета, где на каждой полке выложен широкий ассортимент возможностей и где можно в свое удовольствие и без ограничений брать то, и только то, что нравится... Или еще выбирать себе жизнь, как наряды в объемном каталоге рассылки по заказу.

Разумеется, свобода часто ставит нас в ситуации, где надо избрать одну из нескольких возможностей, и это хорошо. Но было бы совершенно нереалистично все рассматривать лишь под этим углом. В нашей жизни есть множество абсолютно фундаментальных аспектов, которые не мы выбираем, как, например, свой пол, родителей, цвет глаз, характер, родной язык. Составляющие нашей жизни, которые мы выбираем сами, гораздо менее важны, чем те, относительно которых у нас выбора нет.

Кроме того, если в подростковом возрасте жизнь и может представать перед нами как широкий веер открытых возможностей, из которых можно выбирать, однако нельзя не

признать, что этот веер с течением лет будет постепенно закрываться... Необходимо выбирать, но каждый сделанный выбор сокращает соответственно сферу возможностей следующего. Жениться – это значит избрать одну женщину, исключая тем самым всех остальных. (Заметим в скобочках, что это еще вопрос, насколько мы действительно «выбираем» спутницу жизни: чаще всего человек женится на той, в которую влюбился, что не есть в полном смысле слова выбор! Но разве ж это плохо?)

Я частенько повторяю, в шутку, что выбор безбрачия ради Царства Божия и выбор в пользу церковного брака в конце концов довольно-таки схожи: монах отказывается от всех женщин вообще; тот, кто женится – от всех, кроме одной, а единица число невеликое и большой разницы не делает!

Чем старше становится человек, тем меньше у него остается возможностей для выбора: *«Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состаришься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя, и поведет, куда не хочешь»*²⁰. И что же остается от нашей свободы, если это вышеописанная «свобода супермаркета»?

Эта ложная концепция свободы сильно сказывается на поведении сегодняшней молодежи. Особенно ярко это выражается в

²⁰ Ин 21,18

отношении к созданию семьи или к другим сферам, где требуется принятие важных и долгосрочных обязательств: моменты окончательного выбора постоянно оттягиваются, так как каждый из них воспринимается как потеря свободы. Результат: человек не принимает решений, и, стало быть, не живет! И тогда за нас решает жизнь, потому что время проходит, и неотвратимо...

Свобода - это также способность принять и то, чего мы не выбирали

Разумеется, важно использовать свободу в смысле выбора между различными возможностями. Но главное – понять, дабы избежать болезненных разочарований, что существует свобода иного рода. Простая и неприметная, и на первый взгляд не столь увлекательная, но в конечном итоге именно с ней мы чаще всего имеем дело в повседневной жизни, и именно она приносит огромные плоды как в общечеловеческом, так и в духовном плане: свобода не только *выбирать*, но и *принимать то, чего мы не выбирали*.

Постараемся показать, насколько важна эта форма реализации свободы. Наивысший и наиболее плодотворный акт человеческой свободы – более в принятии, чем в доминировании. Человек проявляет величие своей свободы преображая реальность, но еще

более – принимая ее с доверием такую, какой она ему дается день за днем.

Нам легко и естественно принимать ситуации, даже не выбранные, если они приятны и доставляют удовольствие. Проблема, конечно же, возникает по отношению к тому, что нам неуютно, что противится и причиняет страдание. Но часто именно в этих областях мы и бываем призваны, ради обретения настоящей свободы, «выбрать» то, чего мы не желали, и чего порой даже не хотели бы ни за какие деньги. В этом парадоксальный закон жизни: можно стать действительно свободным только соглашаясь не всегда располагать свободой!

Этот тезис мы и хотим теперь развить, и он очень важен: кто хочет достичь истинной внутренней свободы, должен упражняться в том, чтобы спокойно и по доброй воле принимать немало вещей, которые, казалось бы, нарушают его свободу. Принять пределы своих возможностей, свои слабые места, свое бессилие, ту или иную навязанную жизнью ситуацию, и т.д.. Это трудно, потому что мы инстинктивно терпеть не можем неподконтрольных нам ситуаций. Но правда такова: *именно в неподвластных нам ситуациях мы действительно растем.*²¹ Мы еще приведем тому много конкретных примеров.

²¹ «Великая иллюзия человека – быть хозяином своей жизни... Тогда как жизнь есть дар, по самой природе своей ускользающий от любой попытки взять его под контроль.»
Жан-Клод Сань, *Приди к Отцу.*

Бунт, покорность судьбе, сознательное принятие

Прежде, чем идти дальше, надо разобраться в терминах. По отношению к тому, что нам не нравится в нашей жизни, в нас самих, в какой-либо ситуации и что мы воспринимаем как негативное, существуют три возможные установки.

Первая – это **бунт**: например, я не принимаю себя таким, как есть и бунтую против Бога, Который таким меня создал, против жизни, позволившей произойти тому-то и тому-то, против общества и т.д.²².

Бунт часто является первой спонтанной реакцией на причиняемое страдание. Но проблема в том, что он никогда еще ничего не поправил, он лишь прибавляет зло ко злу и становится источником отчаяния, насилия и горечи. В литературном романтизме можно кое-где встретить апологию бунта; но достаточно немного здравого смысла чтобы осознать, что никогда ничто великое или позитивное не было построено на бунте: он только умножает и

²² Бунт не всегда негативен; в некоторых ситуациях жестокого страдания он может быть первой неизбежной психологической реакцией, здоровой – при условии в ней не замыкаться. У слова "бунт" может быть и другой позитивный смысл: отвержение неприемлемой ситуации, которое заставляет нас позитивно воздействовать на эту самую ситуацию, из справедливых побуждений и применяя законные и пропорциональные средства. Здесь же мы говорим о бунте как отвержении реальности.

распространяет еще больше то зло, которое якобы пытается исправить.

На смену бунту может придти *покорность* судьбе: осознавая свое бессилие изменить ситуацию или измениться самому, я в конце концов с этим смиряюсь. Такую покорность можно рассматривать как некоторый прогресс по сравнению с бунтом, поскольку она ведет к менее агрессивной и более реалистичной позиции. Но она недостаточна. Покорность судьбе может считаться добродетелью с философской точки зрения; христианской добродетелью она не становится. Потому что тут недостает надежды. Покорность – это признание в бессилии, не более того. Она может быть необходимой ступенью, но если мы на ней и остановимся, она останется бесплодной.

Установка, к которой следует стремиться – это *сознательное принятие*. По сравнению с покорностью, принятие ведет к совсем иному внутреннему расположению. Принятие позволяет мне сказать «да» тому, что в первый момент воспринимается как нечто негативное; и это "да" становится возможным потому, что у меня возникает предчувствие, что каким-то образом из того негативного может прорасти что-то, что обернется во благо: то есть, я смотрю с перспективы надежды. Например, я могу принять себя таким, как есть, несмотря на все мои изъяны, потому что я знаю, что Бог меня любит. Потому что верю, что из моих несовершенств Господь способен сделать нечто великолепное. Я могу сказать «да» даже самой

по-человечески убогой и разочаровывающей реальности, потому что верю, что, по выражению святой Терезы из Лизье, «любовь столь могущественна в деле, что умеет извлечь благо из всего, что найдет во мне – и из хорошего, и из плохого»²³. Радикальное различие между покорностью и принятием заключается в том, что, хотя объективная реальность, в которой я нахожусь, та же самая, душевная установка совсем иная. В принятии уже присутствуют, хоть и в зачаточном состоянии, добродетели веры, надежды и любви. Например, принять свое несовершенство это акт доверия к Богу, Который создал меня таким, каков я есть. В этом принятии есть, стало быть, вера в Бога, доверие к Нему, а следовательно, и любовь, потому что доверять кому-либо – это уже любить. Присутствие веры, надежды и любви придает принятию огромную ценность, значимость и плодотворность. Потому что, как мы еще многократно повторим, как только где-нибудь появляются вера, надежда и любовь – автоматически возникает открытость к Божией благодати, восприятие ее и, рано или поздно, позитивный эффект. Благодать Божия никогда не проходит впустую там, где ее принимают, но всегда приносит колоссальные плоды.

²³ см. *Автобиографическую рукопись «А»*, лист 53 первая сторона.

2. Принятие самого себя

Бог – реалист

Теперь рассмотрим некоторые сферы нашей жизни, где нам необходимо пройти этот порой нелегкий путь от бунта либо покорности судьбе – к принятию: путь, ведущий нас в конечном итоге к тому, чтобы «выбрать то, чего мы не выбирали».

Простая логика требует начать с самих себя и сказать несколько слов о постепенном постижении любви к себе, то есть о том труде, что нам необходимо проделать, чтобы полностью принять себя такими, как есть.

Предварительное замечание: самое важное в нашей жизни не столько то, что мы можем сделать сами, но то, в чем мы предоставляем действовать Богу. Великий секрет всякой духовной плодотворности и роста заключается в том, чтобы научиться давать Богу возможность действовать: *«Без Меня не можете делать ничего»*, – говорит Иисус. Потому что Божественная любовь бесконечно более могущественна, чем все, что мы можем задействовать своими собственными силами или своей собственной мудростью. А одно из необходимейших условий для того, чтобы дать Божией благодати действовать в нашей жизни, это сказать «да» тому, чем мы являемся, и ситуациям, в которых оказываемся.

В самом деле, Бог «реалист». Божия благодать действует не в воображаемом идеальном мире грез. Она действует в реальности, в конкретных обстоятельствах жизни. Даже если материал, из которого соткана моя повседневная жизнь, мне кажется не слишком блистательным, только здесь или нигде меня может коснуться Божия благодать. Человек, которого Бог любит со всей отцовской нежностью, которого Он хочет встретить и преобразить Своей любовью, – это не тот, кем *мне хотелось бы быть* или кем *я должен бы быть*. Это *тот, кто я есть*, просто-напросто. Бог любит не «идеальные» персонажи, не «виртуальные» личности. Он любит лишь реальных, конкретных людей. Ему интересны не витражные святые, а мы, грешные. Порой в своей духовной жизни мы тратим уйму времени на сетования о каких-то наших недостатках или лимитах, о том, что мы не такие или не иные, и воображаем себе все то доброе, что мы могли бы сделать, если бы были не такими, как сейчас, а менее травмированы жизнью, в большей степени наделены теми или иными качествами и добродетелями и т.п.. Все это – только трата времени и сил, и лишь тормозит действие Святого Духа в наших сердцах.

Часто бывает, что действие Божией благодати в нашей жизни блокируют не столько грехи и ошибки, сколько такое вот неприятие собственной слабости, все эти более или менее сознательные отвержения того, чем мы являемся, или отвержение какой-то конкретной

ситуации. Чтобы дать благодати свободно действовать в нашей жизни и открыть путь глубоким и разительным переменам, порой достаточно просто сказать «да» («да», вдохновленное доверием к Богу) тем сторонам нашего существования, которые мы внутренне упорно отвергаем. Я не могу примириться с тем, что у меня есть такой-то недостаток, такое-то слабое место, что на мне лежит отпечаток такого-то случившегося со мною происшествия, что я впал в такой-то грех и т.п.. И, не отдавая себе в том отчета, я этим выхолащиваю действие Святого Духа. Он воздействует на мою реальную жизнь в той мере, в какой я сам ее принимаю: Святой Дух действует только в сотрудничестве с моей свободой. Если я не принимаю себя таким, как есть, я не позволяю Святому Духу сделать меня лучше!

Аналогично, если я не принимаю других такими, как есть (например, все время сержусь, что они не соответствуют моим ожиданиям), я и тут не даю Святому Духу позитивно воздействовать на мои отношения с людьми – так, чтобы эти отношения стали для них возможностью измениться. Мы к этому еще вернемся.

Вышеописанные установки бесплодны, потому что основаны на «отвержении реальности», корень которого в недостатке веры в Бога и надежды – а отсюда и нехватка любви. Все это закрывает нас от благодати и не дает Богу действовать.

Желание измениться и принятие себя таким, как есть

Мы говорили о необходимости «принять себя такими, как есть», со всеми своими недостатками и лимитами. Некоторые могут возразить, что это просто пассивность и лень. А где же стремление расти, изменяться, превосходить самого себя, чтобы стать лучше? Разве Евангелие не призывает нас к обращению: *«Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный»*²⁴?

Желание стать лучше, постоянное стремление превзойти самих себя чтобы приблизиться к совершенству, разумеется, необходимо, и от него ни в коем случае нельзя отказываться: перестать идти вперед значит перестать жить. Кто не стремится стать святым, тот им не станет. В конечном итоге, Бог дает нам то, чего мы желаем, не больше и не меньше. Но чтобы стать святыми, нам надо принять самих себя такими, как есть. Противоречие здесь лишь кажущееся; обе эти установки необходимы, они друг друга взаимно дополняют и уравнивают: необходимость принять свои лимиты не означает примирения с серостью существования; а стремление измениться не должно превращаться в более или менее осознанное отвержение своих лимитов и неприятие самого себя.

Секрет – на самом деле очень простой – тут в том, чтобы понять, что человек может

²⁴ Мф 5,48

плодотворно преображать действительность только тогда, когда начинает с того, что принимает ее такой, как есть. А также в том, чтобы иметь достаточно смирения признать, что мы не можем изменить себя своими собственными силами, и всякий прогресс и всякая победа над собой есть дар Божией благодати. Я не обрету этой благодати, если я ее не желаю; но чтобы воспринять эту преображающую благодать, мне необходимо примириться с самим собой и принять себя таким, как есть.

В зеркале взгляда Божия

Труд принятия самого себя гораздо тяжелее, чем кажется. Гордыня, страх, что нас не будут любить, убежденность в собственной никчемности пустили в нас слишком глубокие корни. Достаточно констатировать, сколь болезненно мы переживаем свои провалы, ошибки, неудачи, насколько они способны подорвать наш дух и вызвать чувство виновности и беспокойства.

Думаю, что человек может по-настоящему полностью принять самого себя только под взглядом Бога. Чтобы любить самих себя, нам нужно посредничество, нужно встретить чей-то взгляд, в котором мы прочтем, что, как говорит Господь устами пророка Исаяи, *«ты дорог в очах*

Моих, многоценен, и Я возлюбил тебя»²⁵. Обычное явление: девушка, которая считает себя некрасивой (и ведь что любопытно, очень многие девушки так считают, даже весьма милovidные!), начинает думать, что не такая уж она, пожалуй, и дурнушка, с того дня, когда поймает на себе нежный влюбленный взгляд какого-нибудь молодого человека!

Взгляд других нам жизненно необходим, чтобы мы могли любить и принимать самих себя. Это может быть взгляд кого-то из родных, друга, духовного наставника, но превыше всего – взгляд Бога, нашего Отца. Потому что это взгляд самый чистый, самый истинный, самый нежный, самый любящий и наиболее исполненный надежды, какой только может быть. И самый, пожалуй, великий дар, ожидающий того, кто неустанно в молитве ищет Божьего Лица, – это в один прекрасный день хоть чуточку воспринять этот обращенный на него взгляд Бога и почувствовать себя столь нежно любимым, что это даст ему благодать глубокого принятия самого себя.

Из всего этого вытекает одно важное последствие: когда человек отдаляется от Бога, он, к сожалению, одновременно утрачивает способность по-настоящему любить самого себя²⁶. И наоборот: кто не любит себя, отсекает

²⁵ Ис 43,4

²⁶ Это ясно видно в развитии современной культуры. Порывая с Богом, человек в конце концов теряет понимание своего достоинства и начинает сам себя ненавидеть. Поразительно, как, например, в средствах

себя от Бога, как мы показали выше. В *Диалоге кармелиток* Бернаноса старая настоятельница говорит юной Бланке: «Главное – никогда не презирайте себя. Очень трудно презирать себя, не оскорбляя Бога, живущего в нас».

В завершение этого пункта я хотел бы процитировать фрагмент из замечательной книги Генри Нувена *Возвращение блудного сына*²⁷:

«Долгое время я считал свое негативное восприятие самого себя добродетелью. Меня столь часто предупреждали об опасности гордыни и тщеславия, что я пришел к убеждению, что правильнее ни во что себя не ставить. Но теперь я осознаю, что настоящий грех – в отрицании исконной любви Бога ко мне, в невидении в себе изначального добра. И оттого, что я не опираюсь на эту исконную любовь и на это изначальное добро, я теряю контакт с моим истинным «я» и сам себя разрушаю».

Свобода быть грешными, свобода стать святыми

Самое замечательное, что видя себя в свете обращенного на нас Божьего взгляда, мы обретаем ощущение огромной свободы. Двойной,

массовой информации юмор перестает выражать нежность и сочувствие и превращается в грубую насмешку. Также и искусство часто становится неспособно изобразить красоту человеческого лица.

²⁷ изд-во Bellarmin, стр.134

так сказать, свободы: свободы быть грешными и свободы стать святыми.

Свобода быть грешными: я, разумеется, не имею в виду, что мы вольны грешить спокойно и без последствий (то была бы не свобода, а безответственность). Я хочу сказать, что тот факт, что мы грешники, нас не подавляет; что в каком-то смысле мы «имеем право» быть несостоятельными, право быть такими, как есть. Бог знает наши слабости и больные места, но Он ими не возмущается и нас не осуждает. *«Как отец милует сынов, так милует Господь боящихся Его. Ибо Он знает состав наш, помнит, что мы – персть.»*²⁸ Обращая на нас Свой взгляд, Он конечно же приглашает нас к святости, побуждает нас к обращению и росту, но при этом никогда не вызывает страха оказаться не на уровне – того «давления», что мы порой испытываем под взглядами других или в том, как мы судим себя сами: мы никогда не достаточно хороши, никогда не достаточно то или се, мы постоянно недовольны собой, всегда чувствуя себя виноватыми в том, что не соответствуем таким-то ожиданиям или такому-то стандарту. Да, мы бедные грешники, но это еще не повод чувствовать себя виноватыми в том, что вообще существуем, как то бывает со многими, часто на подсознательном уровне. Божий взгляд полностью позволяет нам быть самими собой, со всей нашей ограниченностью и недостатками; дает нам «право на ошибку» и освобождает нас,

²⁸ Пс 102,13-14

так сказать, от этого принуждения, этой обязанности, у которой мы порой чувствуем себя как бы в плену (и которая происходит не из Божией воли, а из нашей больной психики) – обязанности быть, в конечном итоге, не тем, что мы есть.

В общественной жизни мы часто оказываемся в таком постоянном напряжении, чтобы соответствовать тому, чего от нас ожидают (или тому, что нам кажется, что от нас ожидают!), и со временем это может стать чрезмерно изнурительным. Современный мир отодвинул христианство с его догмами и заповедями под тем предлогом, что это религия, порождающая чувство виновности; но никогда еще люди не чувствовали себя столь со всех сторон виноватыми, как сегодня: все девушки виноваты в том, что не столь красивы, как последняя топ-модель, все мужчины – в том, что не столь преуспевают, как владелец Microsoft, и т.д.. Модели успеха, пропагандируемые современной культурой, гораздо тяжелее и обременительнее призыва к совершенству, что адресует нам Иисус, когда говорит в Евангелии: *«Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко.»*²⁹

Взгляд Бога освобождает нас от этой обязанности быть «самыми лучшими», быть

²⁹ Мф 11, 28-30

неизменно «победителями». Мы можем расслабиться, потому что нам уже не нужно прилагать постоянных усилий, чтобы преподать себя в благоприятном свете, и затрачивать колоссальную энергию на то, чтобы казаться иными, чем мы есть: мы можем просто быть самими собой, не больше и не меньше. И нет лучшей «релаксации», чем эта: как ничего не значащие маленькие дети успокоиться в ласковых объятиях Отца, который любит нас такими, как есть.

Нам бывает так трудно принять свои недостатки из-за чувства, что они лишают нас права на любовь: так как мы не на уровне в том или ином аспекте, то якобы не заслуживаем любви. Живя под взглядом Бога, мы начинаем понимать, что это представление ложно: любовь дается даром, ее не надо заслуживать, и наши несовершенства никак не мешают Богу нас любить, наоборот! Мы освобождаемся от этой ужасной и безнадежной обязанности стать кем-то «достойным», чтобы наконец заслужить любовь.

Но «разрешая» нам быть самими собой, быть бедными грешниками, взгляд Божий позволяет нам также всякое дерзновение в порыве к святости: мы имеем право стремиться к вершинам, желать наивысшей святости, потому что Бог хочет и может нам ее даровать. Мы вовсе не замкнуты в своей заурядности, не принуждены угрюмо покоряться судьбе, но всегда у нас есть надежда возрасть в любви. Бог способен из меня, грешного, сделать святого; Его благодать может сотворить такое

чудо, и я могу безгранично верить в могущество Его любви. Тот, кто каждый день падает и все же поднимается со словами: «Благодарю Тебя, Господи, потому что я уверен, что Ты сделаешь из меня святого!», чрезвычайно угоден Богу, и рано или поздно получит от Него ожидаемое.

Верный настрой перед Богом, стало быть, таков: спокойное, без «напряга» принятие самого себя и своих слабостей, и в то же время горячее стремление к святости, твердая решимость идти вперед с безграничным упованием на могущество Божией благодати. Эта двойная установка, на мой взгляд, ясно выражена в следующем отрывке из духовного дневника святой Фаустины:

«Я жажду любить Тебя, как никто никогда еще не любил. И хоть я и ничтожна и ничего не значу, я укрепила якорь своего упования на огромной глубине в бездне Твоего милосердия, Боже мой Создателю! Я чрезвычайно слаба и беспомощна, и все же я ничего не боюсь, но храню надежду вечно петь свою песнь хвалы. Пусть ни одна душа, даже самая убогая, не сомневается – пока жива – что может стать великой святой. Ибо велика сила Божией благодати.»³⁰

³⁰ Св. Фаустина, *op.cit.*

«Ограничивающие убеждения» и запреты

Опираясь на вышесказанное, мы сможем избежать ошибочного подхода к принятию себя и своих недостатков. Принятие себя не замыкает нас в том, что мы считаем пределом своих возможностей (и который, как часто бывает, на самом деле таковым не является). Вследствие наших душевных ран, воспитания (когда нам говорили: куда тебе, никакого толка из тебя не выйдет и т.п.), вследствие определенных неудач, а также из-за недостатка доверия к Богу, мы носим в себе целый комплекс как бы впечатанных в сознание «ограничивающих убеждений». Они не соответствуют никакой действительности, и все же заставляют нас пребывать в уверенности, что мы никогда не будем способны сделать то или се, справиться с той или иной ситуацией. Примеры тому бесчисленны: «У меня не получится, я в жизни не справлюсь, я не способен, ничего не поделаешь...» Такие утверждения не имеют ничего общего с принятием своих пределов, о котором мы говорим в этой главе; они – результат накопленных в течение жизни душевных травм, плод наших страхов, недостатка доверия к себе и к Богу, и нужно, наоборот, их гнать и не идти у них на поводу. Принять себя означает признать и принять свои недостатки, но также и богатства своей личности, и значит, дать раскрыться всем нашим законным возможностям и реальным

способностям. А потому, прежде чем произнести что-то вроде: я не могу то-то и то-то, подобает распознать, является ли это утверждение плодом здорового духовного реализма или же убеждением всего лишь психологического свойства, от которого следует излечиться.

Нередко встречается также тенденция не позволять себе того или иного здорового устремления, той или иной формы самореализации, какой-либо правомерной радости. И здесь действуют неосознанные психологические механизмы, под действием которых мы считаем себя виноватыми и потому отказываем себе в праве на счастье. Иногда это может также происходить из ложного представления о Божией воле, которая якобы в том, чтобы мы систематически лишали себя радостей жизни! В любом случае, это не имеет ничего общего с духовным реализмом и принятием своих пределов, о которых у нас речь. Порой Бог действительно призывает к жертвам и аскезе; но столь же верно и то, что Он освобождает нас от сковывающих страхов и ложного чувства виновности, и так восстанавливает в нас свободу принять в полноте те блага и удовольствия, что Он по Своей мудрости хочет дать нам для ободрения и как знак Своей нежной любви.

В любом случае несомненно: если есть область, в которой нам никогда и ни на что не будет запрета – так это область святости. При условии, однако, не путать святость с тем, чем она не является: внешним совершенством,

героизмом, безупречностью и т.п.. Но если взять святость в ее истинном понимании, то есть как возможность бесконечного возрастания в любви к Богу и к братьям – будьте уверены, что в этой области для нас нет ничего недоступного. Надо только никогда не падать духом и не сопротивляться действию Божией благодати, но довериться ей целиком и полностью.

Не все мы мудрецы или герои, но, Божией благодатью, у всех у нас есть задатки святости: они заложены в нас таинством Крещения, в котором мы стали детьми Божиими.

Принять себя, чтобы принять других

Заметим также и то, что существует глубокая взаимосвязь между принятием себя и принятием других. Одно способствует другому.

Часто нам не удается принять других потому, что мы, по сути, не принимаем самих себя. Кто не в мире с самим собой, тот неизбежно «воюет» и с окружающими. Неприятие себя создает внутреннее напряжение, неудовлетворенность, фрустрацию, и мы зачастую переносим все это на других, делая их козлами отпущения в наших внутренних конфликтах. Если окружающие нас раздражают, это очень часто потому, что мы недовольны самими собой. А расплачиваться за это должны другие! Этти Хиллесум пишет: «Я начинаю осознавать, что когда мы испытываем

неприязнь к ближнему, корень ее надо искать в отвращении к самому себе: возлюби ближнего твоего, как самого себя»³¹.

Верно и обратное: человек, чье сердце закрыто для других, кто не прилагает никаких усилий, чтобы любить их такими как есть, кто не умеет с ними мириться – тому никогда не обрести той благодати глубокого примирения с самим собой, которое нам всем необходимо. В конце концов жертвой своей узости сердца по отношению к ближнему, жертвой своих осуждений и своей душевной жесткости всегда становимся мы сами.³²

3. Принятие страдания

Примириться с неприятностями

Мы говорили о принятии себя; теперь затронем тему принятия происходящего. «Главный принцип» здесь тот же: чтобы мы могли эффективно изменить нашу жизнь, нам надо сначала принять ее целиком и полностью – со всеми ее внешними событиями и всем, что с нами случается.

Нетрудно, конечно, принять то, что мы воспринимаем как нечто доброе, приятное и позитивное. Более тяжело – когда речь идет о

³¹ Эtti Хиллесум, *op.cit.*

³² Мы еще вернемся к этому важному пункту.

трудностях и всякого рода страданиях, и вот об этом-то мы и хотим сейчас поговорить. Все эти негативные в нашем восприятии реалии мы условимся называть «неприятностями».

Это несколько деликатная тема. Суть не в том, чтобы впасть в пассивность и все «проглатывать», никак не реагируя. Но ведь мы все по опыту знаем, что, как бы прекрасны ни были проекты и как бы хорошо все ни было спланировано, бывает все же немало ситуаций, которые нам неподвластны; а стало быть, происходит множество событий, которые идут вразрез с нашим ожиданиями, стремлениями и желаниями, и мы вынуждены с этим мириться.

Я полагаю, что важно не довольствоваться тем, чтобы смириться с ними бурча и ворча, но действительно их принять. Не претерпевать их, но в определенном смысле их «выбрать» (даже когда на самом деле выбора нет, и это-то нам и досаждают!) Выбрать – в смысле: задействовать свою свободу, что позволяет нам не просто покориться судьбе, но позитивно принять происходящее. Это не легко, особенно когда речь идет о болезненных испытаниях, но это верный метод, и нам надо стараться его применять как можно больше, с позиции веры и надежды. Если мы достаточно верим, что Бог может извлечь благо из всего, что с нами происходит, то Он это сделает. Иисус неоднократно повторяет в Евангелии: *“По вере вашей да будет вам”*.

Это абсолютно фундаментальная истина: Бог может извлечь пользу из всего, из хорошего и из

плохого, из позитивного и из негативного. В этом-то Он и Бог, и не зря мы в исповедании веры именуем Его: *Отец Всемогущий*. Извлечь добро из добра – это нетрудно, это всякий может. Но только Бог, в Своем всемогуществе, в Своей любви и мудрости, способен извлечь добро даже из зла. Как? Не нам пытаться это показать или до конца объяснить (никакой философии и никакой богословской мысли это не под силу), но от нас зависит в это верить, основываясь на словах Священного Писания, которые призывают нас к такому доверию: «*Любящим Бога все содействует ко благу*»³³. Если мы в это верим, то убедимся и на опыте. Оглядываясь на свою жизнь за несколько дней до смерти, святая Тереза из Лизье сказала: “Во всем – благодать”.

Далее я хотел бы поделиться еще некоторыми мыслями на эту тему, чтобы помочь усвоить позицию веры и надежды перед лицом любых трудностей.

***Самое болезненное страдание – то,
которое мы отвергаем***

Нужно осознать одну вещь: когда мы оказываемся в ситуации, причиняющей нам боль, то мы не столько страдаем от самой боли, сколько от того, что не принимаем ее. В этом случае мы добавляем к реальной боли другое

³³ Рим 8,28

мучение: отказ ее принять, внутренний бунт, чувство горечи и беспокойства, которые это страдание в нас вызывает. В нас возникает некое напряжение, вызванное упорным противлением страданию, и от него страдание только усиливается. Тогда как если нам дана благодать примириться со страданием и принять его, оно вдруг становится гораздо менее болезненным. Святой Арский Пастырь (Иоанн-Мария Вианней – прим. пер.) говорил, что “если мирно принять страдание, то оно уже не страдание”.

Нормальная реакция на боль – это, разумеется, ее сколь возможно облегчить. Когда болит голова, нужно выпить аспирина, если это может помочь. Но неизбежно будут и страдания, от которых нет лекарства, и тогда надо постараться их спокойно принять. И это не мазохизм и не долоризм, а как раз наоборот: на самом деле принятие страдания позволяет его переносить легче, чем когда мы упорствуем в его отвержении. Это верно и в физическом плане: принять удар сжавшись – гораздо болезненнее, чем расслабившись. Желание любой ценой избавиться от страдания иногда приводит впоследствии к страданиям куда более труднопереносимым. И меня поражает, насколько в повседневной жизни люди сами делают себя несчастными из-за гедонистической ментальности современного общества, считающего всякое страдание злом, которого надо избегать любой ценой. Если кто держится установки избегать всякой боли, принимать

только то, что ему приятно и удобно и отвергать все остальное, то ему рано или поздно придется понести кресты гораздо более тяжкие, чем тому, кто старается по доброй воле принять страдания, которые нереально устранить.

Принимая страдание, мы обретаем силу. Ведь и в Писании говорится о «хлебе слезном»³⁴. Бог верен, и на каждый день дает нам силы нести трудности и тягости, являющиеся частью нашей жизни. Процитируем еще раз Этти Хиллесум: «Всякий раз, когда я проявляла готовность встретить испытания, они обращались в нечто прекрасное»³⁵.

Однако такой благодати нам не дано для тех дополнительных страданий, что мы причиняем себе сами, когда отказываемся принять обычные жизненные испытания.

Прибавим, что настоящее зло не столько в страдании, сколько в страхе страдания. Если мы принимаем страдание спокойно и с доверием, оно способствует нашему росту, воспитывает нас, очищает, учит бескорыстной любви, делает нас нищими духом, смиренными, кроткими и сострадательными к ближним. Тогда как из-за страха страдания мы черствеем, костенеем в защитных и оборонительных установках, что часто приводит к иррациональному выбору с пагубными последствиями. «Худшие страдания человека – это те, которых он боится», – говорит Этти Хиллесум.³⁶ Худшее страдание – это не то,

³⁴ Пс 80,6

³⁵ Этти Хиллесум, *op.cit.*

³⁶ *Op.cit.*

которое человек переживает, а то, которое он себе представляет; то, которое заполняет *воображение* и ставит на ложные позиции. Проблема не в реальности (она по существу позитивна даже со своим болезненным компонентом), а в том, как мы ее представляем.

Отказаться страдать – значит отказаться жить

Современная культура, посредством рекламы и средств массовой информации, непрестанно впрыскивает нам свое «евангелие»: возьми себе за правило любой ценой избегать боли и искать лишь удовольствий. Одно она забывает сказать: нет более верного способа сделать себя несчастным, чем принятие этой линии поведения. Я не собираюсь заниматься апологией страдания: его надо облегчать насколько возможно. Однако оно является частью нашей жизни, и желать полностью его устранить означает подавить саму жизнь. Кто отказывается страдать – отказывается жить, и в конечном счете отказывается от того доброго и прекрасного, что жизнь может принести. «Кто станет сберегать жизнь свою, тот потеряет ее, а кто потеряет ее, тот сбережет ее», – говорит нам Иисус, и на это Евангелие можно положиться более, чем на «благие вести» рекламы. Разумеется, я ничего не имею против удовольствия – это вещь хорошая и тоже

является частью жизни. Если бы не было удовольствия, мы не могли бы никому «доставить удовольствие», а ведь именно в этом обычно проявляется любовь!³⁷ Но меня глубоко поражает в поведении многих людей, сколь часто, избегая маленького страдания (обычного, которое надо просто принять), они причиняют себе страдания гораздо большие. Я видел, например, родителей, что убивались многие годы, и все лишь потому, что не приняли монашеского призвания своего сына или дочери. Не желая примириться с разлукой, с выбором иного пути, чем они ожидали – обрекают себя на годы мучений. Примеры тому бесчисленны. Я этим хочу только сказать, что принятие страдания и жертвы (когда они правомерны, разумеется) – это поведение не мазохистское и не самоубийственное, а вовсе наоборот. Принимая страдания, «предлагаемые» жизнью и допущенные Богом для нашего роста и очищения, мы избегаем страданий более тяжких. Надо быть реалистом и прекратить раз и навсегда мечтать о жизни без боли и без борьбы. Это будет в Раю, но не на земле. Надо отважно изо дня в день нести свой крест вслед за Христом, и его горечь рано или поздно превратится в великую сладость.

Итак, мы должны следить за своими внутренними установками, долгосрочные последствия которых важнее, чем кажется.

³⁷ Удовольствие само по себе хорошо, но оно не создано для эгоистичного употребления, а для того, чтобы его давать и принимать.

Сталкиваясь с повседневным страданием, «тягостью дня и зноем», усталостью и пр., нужно избегать склонности все время ругаться про себя или говорить: скорей бы все это прошло, постоянно мечтая о жизни иной; но подобает его действительно принять. Жизнь хороша и прекрасна такая, как есть, включая ее бремя боли. Когда Бог создал мужчину и женщину, он вложил во всякую человеческую жизнь огромное благословение, которое никогда не было отнято, несмотря на грех и сопровождающий его кортеж страданий, ибо *«дары и призвание Божие непреложны»*³⁸, и особенно первый дар и первое призвание – жизнь. Всякая жизнь, даже подверженная боли, бесконечно благословенна и драгоценна.

Такая установка возвращает нас к реальности и экономит немало энергии – той, что мы растрчиваем, когда сетуем, когда требуем, чтобы все было по-другому, мечтаем о невозможном и т.д.. Она тем более правомерна, что как христиане мы уверены, что нас ожидает вечное счастье: *«Господь Бог освещает их, и будут царствовать во веки веков»*³⁹; и стало быть, нет у нас никакой уважительной причины жаловаться на трудности этой жизни. Будем лучше держать в сердце слова святого Павла, который уверяет нас, что *«кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу»*⁴⁰.

³⁸ Рим 11,29

³⁹ Откр 22,5

⁴⁰ 2 Кор 4,17

Нет худа без добра: позитивная сторона неприятностей

Нельзя не сказать и о том, что в неприятностях, какими бы тяжелыми они ни были, есть не только негативная сторона; весьма часто они несут в себе и немалую пользу.

Первая польза в том, что неприятности напоминают нам, что "наша" жизнь и "наше" время не являются нашей частной собственностью. Неприятности не дают нам наглухо замкнуться в наших программах, планах и нашем личном понимании вещей. Самая настоящая тюрьма, в которой мы заключены и из которой совершенно необходимо освободиться, это мы сами: это узость нашего сердца и наших суждений. В Писании говорится: *«как небо выше земли, ... так мысли Мои выше мыслей ваших»*⁴¹. Самое худшее, что может с нами случиться в жизни, это если все пойдет по-нашему. Это означало бы конец всякого роста. Чтобы нам постепенно проникнуть в мудрость Божию, которая бесконечно прекраснее, богаче, плодотворнее и милосерднее, чем наша⁴², нужно, чтобы наша человеческая мудрость перенесла серьезную встряску. Не для того, чтобы ее уничтожить, а чтобы ее возвысить и очистить, дабы она не оставалась в плену своих собственных ограничений, потому что на ней всегда в какой-то мере лежит печать эгоизма, гордыни и нехватки веры и любви, сознаем мы

⁴¹ ср. Ис 55,8-9

⁴² см. гимн Божией премудрости в Рим 11,33-36

то или нет. Наше сердце часто бывает узко, и суждения – односторонни, и от этого надо исцелиться, чтобы постепенно принять Божию мудрость и пережить глубокое обновление и расширение мышления. Грех – это узость, тогда как святость есть простор духа и широта души.

***От контроля к преданию себя в руки
Божии: очищение разума***

Часто в момент испытаний нам бывает труднее всего не столько от самого страдания, сколько от непонимания – почему. Порой боль мучает меньше, чем то, что мы не понимаем ее смысла. Нет более тяжкого испытания, чем когда разум сталкивается с «почему», на которые нет ответа. И наоборот, когда разум удовлетворен, гораздо легче принимать и переносить страдания: если врач во время процедуры причиняет мне боль, я ничего против него не имею, потому что прекрасно понимаю, что он это делает для моего же излечения.

Поэтому стоит сказать несколько слов о роли разума в духовной жизни.

Как и все способности, которыми наделил нас Бог, разум глубоко хорош и полезен. В человеке живет жажда истины, потребность постигать разумом, и это неотъемлемая часть его достоинства и величия. Пренебрегать разумом, его возможностями и его ролью в человеческой и

духовной жизни было бы неверно.⁴³ Вера не может обходиться без разума; и нет ничего прекраснее данной человеку возможности сотрудничества с Богом посредством своей свободы, своего разума и всех прочих способностей. Бывают в жизни моменты, когда разум вдруг постигает то, что совершает Бог, то, к чему Он нас призывает, Его педагогику, посредством которой Он помогает нам расти, и моменты эти чрезвычайно благотворны, потому что позволяют нам полностью сотрудничать с действием Божией благодати. И это вполне в плане божественного мироустройства, так как Бог создал нас не марионетками, а свободными и ответственными личностями, и мы призваны ответить на Его любовь согласием своего разума и своей свободы. И потому достойно и правомерно стремиться постичь смысл всего, что мы переживаем.

Однако нельзя не признать, что наша столь насущная потребность все понять неоднозначна и нуждается в очищении. В действительности, желание понять может быть внушено более или менее осознанными побуждениями, которые не всегда оправданы. Есть стремление понять, которое происходит из жажды познать истину, чтобы принять ее и привести свою жизнь в соответствие с нею, и это абсолютно правомерно. Но бывает и желание понять, порожденное волей к власти: понимать – значит владеть, держать ситуацию под контролем.

⁴³ Об этом напоминает энциклика Папы Иоанна-Павла II *Вера и разум*.

Всякая жажда господства, всякий инстинкт собственности могут подспудно питать в нас потребность понять.

Эта потребность может происходить также и из иного источника, тоже замутненного: глубинной неуверенности. Понять – значит успокоиться, застраховаться чувством, что раз я понимаю, то смогу контролировать ситуацию. Но это страховка человеческая, хрупкая, обманчивая, которая в один прекрасный день может рухнуть. Тогда как единственная истинная гарантия, какую мы можем иметь в этой жизни – это не наша способность контролировать разумом события или предвидеть их, но уверенность в том, что Бог никогда нас не оставит, ибо Его отцовская любовь непреложна.

В момент испытаний бывает, что потребность понять происходящее – это просто-напросто выражение неспособности с доверием предать себя в руки Божии и поиск человеческих страховок. И от этого нам совершенно необходимо очиститься. Полной внутренней свободой сможет наслаждаться лишь тот, кто сумеет постепенно освободиться от потребности опираться на человеческие гарантии, убеждаясь на опыте, что, по библейской метафоре, только Бог – его «скала».

Чтобы разум избавился от двух вышеописанных главных изъянов (воля к власти и потребность в самостраховании из недостатка доверия к Богу), нам необходимо пережить определенные фазы (несомненно, самые тяжкие), когда, несмотря на все наши старания

осмыслить происходящее, мы все же неспособны понять, почему. Это очень мучительно, потому что, как я уже говорил, когда человек понимает смысл испытания – ему легко его принять; если же разум как бы блуждает во мраке – это уже совсем иное.

Есть в жизни периоды, когда нам надо любой ценой стремиться понять то, что мы переживаем (путем размышлений, в молитве, прося совета более опытных людей), потому что именно опираясь на это понимание, мы сможем продвигаться вперед. Но бывают моменты, когда надо оставить попытки «расшифровать» происходящее, потому что это время не действовать, а предать себя Богу в слепом доверии. Свет придет позже: *«Что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после»*, – говорит Иисус Петру.⁴⁴ В такие периоды стремление любой ценой понять принесет больше вреда, чем пользы, усилит страдание вместо того, чтобы его утишить, и лишь обострит сомнения, неуверенность, страхи и вопросы, не давая на них ответа. Суть уже не в том, чтобы удовлетворить разум найденным ответом, а в том, чтобы ходить верой и предать себя Богу. И единственное успокоение тут можно найти не в ответах на свои вопросы, а в смиренной и полной доверия молитве, что пророк Иеремия выразил так: *«Благо тому, кто терпеливо ожидает спасения от Господа»*⁴⁵.

⁴⁴ Ин 13,7

⁴⁵ Плач 3,26

Понимание Божией воли

Из-за потребности себя обезопасить нам, в частности, хотелось бы всегда быть уверенными в том, что мы исполняем волю Божию. Понятно и естественно, что в нас есть желание познать Божию волю, чтобы жить в соответствии с ней. Если мы ищем ее искренним сердцем, то обычно нам дается свет, позволяющий ее понять. Но нужно знать, что это не всегда так. Даже если мы задействуем все, что нужно чтобы познать волю Божию в той или иной ситуации (через молитву, размышление, духовное руководство), не всегда будет нам ясный ответ, или, по крайней мере, не сразу. По двум причинам. Во-первых, потому что Бог обращается с нами как со взрослыми, и бывает немало ситуаций, где Он просто хочет, чтобы мы решали сами. И потом, для очищения: если бы мы были всегда уверены, что исполняем волю Божию и ходим в истине, мы быстро бы впали в опасную самонадеянность, которая легко превращается в гордыню духа. Сам по себе тот факт, что мы не всегда уверены, что исполняем волю Божию – это болезненный недостаток, но он нас оберегает: благодаря ему мы остаемся малыми, смиренными и в постоянном поиске. Что позволяет нам избежать искушения опираться на самих себя и так оказаться в некой ложной безопасности, где нет нужды доверяться Богу.

В такого рода ситуациях, когда воля Божия видится как бы «размыто», очень важно также сказать себе следующее: даже если

определенные аспекты Божией воли от меня ускользают, все же есть другие, которые мне точно известны и в которые я могу вкладывать свои силы без всякого риска ошибиться, зная, что усилия мои «окупятся»: исполнять то, к чему меня сегодня обязывает мое положение в семье и в Церкви, и основные пункты христианского призвания вообще. Иногда мы впадаем в следующую ошибку, и ее необходимо научиться распознавать и избегать: будучи во тьме относительно воли Божией в важном деле (касательно, например, призвания или какого-то серьезного решения), я все время терзаюсь вопросами либо погружаюсь в некое уныние, в результате чего не прилагаю достаточных усилий, чтобы исполнять обычную повседневную волю Божию: молиться, сохранять доверие, любить людей, с которыми я в настоящее время общаюсь. Когда нет ответов относительно будущего, лучший способ к ним подготовиться – это во всей полноте жить в настоящем.

***Жизнь мою никто не отнимает у меня,
но я сам отдаю ее***

Как было сказано выше, надо упражняться в том, чтобы не просто *переносить* неприятности, но в определенном смысле их *избравать*. Что не означает на них напрашиваться без надобности! Но, когда они возникают, спокойно их принимать позитивным действием воли, что позволит

перейти (и чем скорее, тем лучше!) от более или менее бурного чувства досады к основанному на доверии согласию.

Тереза из Лизье, как и всякий из нас, не слишком любила, когда ее беспокоили. Порой ей поручали дело, требующее определенной сосредоточенности (рисование или сочинение пьес для общины); и в плотном расписании кармелитской жизни времени на это у нее было совсем немного. Когда же, наконец, ей выдавался час или два на эти дела, она настраивала себя следующим образом: я готова, что меня отвлекут – это мой *выбор*. И если некая милая сестра заявлялась в это время попросить ее о какой-нибудь услуге, Тереза, вместо того, чтобы сухо ее выпроводить, старалась встретить ее всей душой: ведь это именно то, что она избрала. А если ее никто не беспокоил и не отвлекал, она воспринимала это как чудесный подарок от Бога и была Ему очень признательна. Так любые события Тереза проживала спокойно и без досады: во всем она находила способ удовлетворения своих желаний, поскольку ее желанием было все принимать...

Когда мы оказываемся в состоянии внутренней борьбы в этой сфере, стоит поразмышлять над словами Иисуса: «*Жизнь Мою никто не отнимает у Меня, но Я Сам отдаю ее*»⁴⁶. Слова эти парадоксальны. Ведь у Иисуса в самом деле отняли жизнь: Его связали, осудили, привели на мучения и распяли. Но говорится в

⁴⁶ ср. Ин 10,18

литургических текстах: «Он, добровольно предавая Себя на страдания...» Он их принял всей глубиной сердца, слился с волей Отца, и потому остался суверенно свободен даже в своей смерти, сделав ее приношением любви. В свободном согласии любви *отнимаемая* жизнь становится жизнью *даруемой*.

Яркий пример тому мы находим в свидетельстве Жака Феша. Жак был осужден за убийство полицейского вследствие несколько безумной мечты изменить свою жизнь (он пытался ограбить банк с целью купить катер и пересечь океан). После трех лет в заключении, он был казнен 1 октября 1957 г., в возрасте двадцати семи лет. В тюремной камере он встретил Христа и прошел путь глубокого духовного обращения. И вот что он написал за несколько дней перед смертью: «Блаженны, кого Бог удостоивает мученичества! Пролитая кровь всегда драгоценна пред Богом, особенно кровь, отданная свободно. Я же не свободен; но, если бы мне сегодня предложили свободу в обмен на оскорбление Бога, я бы отказался, предпочтя смерть. Стало быть, я становлюсь действующим лицом в этой казни, принимая ее всей душой и принося ее Богу, и так моя смерть уже не столь презренна»⁴⁷.

В силу своей свободы мы всегда властны превратить то, что у нас отнято (жизнью, событиями, людьми...), в приношение. Внешне не видно никакой разницы, но внутри все

⁴⁷ Жак Феш, *Через 5 часов я увижу Иисуса. Тюремный дневник*.

преображается: судьба становится свободным выбором, принуждение – любовью, утрата – плодотворным богатством. Человеческая свобода – это нечто неслыханно великое. Человек не властен силой своей свободы все вокруг себя переменить, но в силу своей свободы он обладает (и это гораздо лучше) способностью всему придать смысл, даже тому, что его не имеет! Мы не всегда властны над течением нашей жизни, но всегда властны над смыслом, который мы ей придаем. В силу нашей свободы, нет ни одного события – ни одного –, которому мы не могли бы придать позитивную значимость, сделать его знаком предания себя Богу, преобразить в любовь, доверие, упование, жертвоприношение... Самые важные и плодотворные акты воли – это не столько те, которыми мы видоизменяем внешний мир, сколько те, которыми мы преобразуем наш собственный внутренний настрой, придавая вещам положительный смысл, опираясь, в конечном счете, на ресурс веры, согласно которой мы знаем, что из всего без исключения Бог может извлечь благо. Это неисчерпаемый клад, беспредельное богатство, и когда мы его разрабатываем, то в нашей жизни не остается ничего негативного, ничего банального или незначительного, потому что мы всему даем смысл. Позитивное становится поводом для благодарения и радости, негативное – для предания себя Богу, для веры и жертвоприношения: все обращается в благодать.

Мы должны непрестанно благодарить Бога за столь драгоценный дар свободы.

***Бессилие в испытании и
испытание бессилием: свобода верить,
надеяться, любить***

Нам всем случится в жизни пережить испытания и трудности (касающиеся лично нас или дорогих нам людей), с которыми ничего не поделаешь: сколько бы мы ни крутили ситуацию во все стороны, сколько бы ни обдумывали ее днем и ночью – нет никакого доступного нам решения. Ощутить себя столь слабым, безоружным и бессильным – это тяжелое испытание, особенно если речь идет о близких. Несомненно, одно из наиболее острых страданий в этой жизни – это видеть любимого человека в тяжелой ситуации и не иметь никакой возможности ему помочь. Многие родители переживают это, рано или поздно. Пока ребенок маленький, всегда можно найти способ вмешаться, чтобы помочь ему в его проблемах. Когда дети вырастают, становятся независимы, больше не слушают советов, родителям ужасно видеть, что их сын или дочь начинает тянуться к наркотикам или бросается в эмоционально разрушительные авантюры, и несмотря на огромное желание помочь своему ребенку, они порой ощущают свое полное бессилие... В такой ситуации важно помнить: хотя и кажется, что нет никакой возможности повлиять на происходящее

и никакого конкретного способа как-то вмешаться, несмотря ни на что всегда остается возможность продолжать верить, надеяться, любить. Верить, что Бог его не оставит, и что молитвы за него в свое время принесут плоды. С упованием всего ожидать от Божией верности и могущества. Любить и молиться за своего ребенка, хранить его в сердце, прощая ему все ошибки и причиненное зло, и выражая ему любовь, насколько позволяют обстоятельства. Любовь, которую не всегда возможно проявить в видимых жестах, но выраженную в уповании, доверии и прощении. Любовь тем более большую и чистую оттого, что более обедненную. Даже когда мы абсолютно ничего не можем в плане действий, мы сохраняем эту внутреннюю свободу вопреки всему продолжать любить, и ее никакие, даже самые трагические, обстоятельства не могут у нас отнять.

И такова должна быть наша твердая уверенность, освобождающая и утешающая в испытании бессилием: даже когда я ничего не могу поделать – пока я верю, надеюсь и люблю, то что-то незримо происходит, и рано или поздно будут плоды – во время, определенное Божиим милосердием. Даже когда она кажется бедной и бессильной, любовь всегда плодотворна, и не может не быть таковой, потому что принадлежит бытию и самой жизни Бога. *«Надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам»⁴⁸.*

⁴⁸ Рим 5,5

4. Принятие других

Согласиться на страдания, причиняемые людьми

Выше мы призывали не «противиться» неприятностям, но по доброй воле принимать их. О том же пойдет теперь речь относительно неприятностей, происходящих не из безличных событий, а по людской вине. Как быть со всеми этими страданиями, что нам доставляют окружающие? Линия поведения та же: постараться их принять.

Также и здесь речь не о пассивности. Иногда необходимо поговорить с человеком, чье поведение причиняет нам страдания, чтобы помочь ему это осознать и исправиться. В определенных ситуациях мы обязаны решительно реагировать на несправедливости и защищать себя или других от чьего-либо разрушительного поведения. Но всегда остается определенная доля причиняемых окружающими страданий, которых мы не можем ни избежать, ни исправить; и мы призваны принимать их с позиций надежды и прощения.

Принять это нам труднее, чем неприятности материального свойства. Без гнева смириться с тем, что я не успел на важную встречу из-за поломки в машине легче, чем если меня задержала жена, которая целый час болтала по телефону с кем-то из своих дражайших подруг... Осложнения, причиняемые другими, принять труднее, чем технические неполадки потому, что

здесь действуют люди, обладающие свободой, и, стало быть, легко предположить, что все могло бы быть иначе. Мы больше злимся, когда проблемы создает свободная личность, чем на безличные обстоятельства!

Хоть это и нелегко, нужно уметь прощать другим то, что они причиняют нам страдания и не оправдывают наших ожиданий, и даже принимать создаваемые ими проблемы как благодать и благодеяние. Такая установка не спонтанна и не врожденна, и все же только она одна правильна, если мы хотим обрести мир и внутреннюю свободу. Следующие замечания помогут нам двигаться в этом направлении.

Учитывать психологические различия

Прежде всего надо помнить, что если окружающие и причиняют нам страдания, все же не стоит систематически усматривать в этом злую волю с их стороны (как мы обычно склонны). В отношениях между людьми многие проблемы, о которых мы поспешно судим с точки зрения морали, на самом деле часто представляют собой просто трудности общения, недопонимание. Различия в манере самовыражения и психологические фильтры порой мешают нам понять истинные намерения и мотивации другого.

У всех у нас весьма разный душевный склад, нередко противоположные взгляды и своя чувствительность, и надо реалистично это

признавать и относиться к этому с юмором. Есть люди, очень любящие порядок; малейший беспорядок их дестабилизирует. И есть такие, что задыхаются в слишком строгих рамках. Поборники порядка воспринимают как личное оскорбление, если кто хоть малейшую вещь оставит где попало; человек с противоположным темпераментом, если от него требовать всегда безупречного порядка, будет видеть в этом придирки. И тут же пускаются в ход соображения морали, тогда как дело всего лишь в психологических различиях. Все мы сильно склонны именовать добром то, что нам нравится и соответствует нашему темпераменту, и злом – то, что идет с ним вразрез. Примеры тому бесчисленны. Если мы не будем принимать это во внимание, наши семьи и общины рискуют превратиться в постоянный театр военных действий между требующими порядка и защитниками свободы, между приверженцами пунктуальности и сторонниками гибкости, между ищущими покоя и любителями бурных праздников, совами и жаворонками, болтунами и молчаливками – и так далее до бесконечности.

Стало быть, необходимо приучить себя принимать других такими, как есть, понимать, что у них иная чувствительность и иная шкала ценностей, и относиться к ним с большей гибкостью и широтой сердца и мыслей.⁴⁹

⁴⁹ Это особенно важно в отношениях между мужчинами и женщинами. После доминирующей на протяжении нескольких десятилетий идеологии, где равенство путалось с тождеством и где считалось, что мужчина и

Это нелегко, потому что нам придется тогда признать, что наша мудрость относительна; придется согласиться быть малыми и смиренными и отречься от той «гордыни правоты», что так часто не дает нам понять ход мыслей собеседника. А такое отречение иногда означает: умереть для себя, что ужасно тяжело дается.

Но мы тут только выигрываем. Наше счастье, что люди создают нам неудобства своими взглядами – так нам дается некоторый шанс выйти из своей консервной банки и открыть для себя иные ценности. Я живу в общине уже двадцать пять лет, и приходится признать, что в конечном счете я, пожалуй, больше получил от тех, с кем мне было трудно, чем от тех, с кем легко. Они раскрыли мне глаза на ценности иные, чем те, в которых я мог бы замкнуться, если бы общался только с людьми близкого мне склада.

Несколько мыслей о прощении

Наряду с вышесказанным есть, разумеется, случаи, когда люди причиняют мне страдания действительно по своей вине. И тогда уже недостаточно просто гибкости, просто понимания и принятия различий, о которых мы говорили.

женщина полностью взаимозаменяемы, мы, к счастью, вновь открываем глубокие психологические различия между полами. См., например, симпатичную книгу Ж. Грая *Мужчины родом с Марса, женщины – с Венеры*.

Тут надо подходить с позиций более требовательных и трудных – с позиций прощения.

Современная культура (кино, например) не очень-то превозносит прощение, и скорее узаконивает затаенную обиду и месть. Но разве это уменьшит зло в мире? Нужно с новой силой заявить, что единственный путь облегчить бремя страданий человечества – это путь прощения.

«Проповедуя прощение и любовь к врагам, Церковь сознает, что тем она вводит в духовное наследие всего человечества новый тип отношений между людьми – несомненно трудный, но богатый надеждой. Она знает, что может в этом полагаться на помощь Господа, Который никогда не оставляет взывающих к Нему в трудный момент. *«Любовь не мыслит зла»* (1Кор 13,5). В этом выражении из Первого Послания к Коринфянам Апостол Павел напоминает, что прощение является одной из наиболее возвышенных форм проявления любви.»⁵⁰

Мы не станем разбирать здесь эту основополагающую, но сложную тему прощения. Просто повторим, что если мы не осознаем важности прощения и оно не становится неотъемлемым элементом наших отношений с окружающими, то мы никогда не достигнем внутренней свободы и так и останемся в плену обид.

⁵⁰ Иоанн-Павел II, *Послание на Великий Пост от 9 февраля 2001.*

Когда мы отказываемся простить сделанное нам зло, мы лишь прибавляем зло ко злу, что никак не решает проблемы. Мы повышаем уровень зла в мире, а ведь его и без того хватает. Так не станем же содействовать распространению зла. Как нас просит Апостол Павел, *«не будь побежден злом, но побеждай зло добром»*⁵¹.

Поговорим теперь о некоторых препятствиях, делающих прощение трудным или невозможным.

Прощать – это не значит соглашаться со злом

Иногда нам столь трудно простить из-за того, что мы считаем – более или менее осознанно – что простить такому-то, кто причинил нам страдание, это как бы признать, что он ничего плохого не сделал, как будто назвать зло «добром», поддержать несправедливость; а этого принять мы не можем.

Но простить не значит согласиться со злом или признать правым то, в чем нет правоты. Такое, разумеется, было бы неприемлемо: есть истины, которые нельзя попираť. Простить, это значит: хоть этот человек и причинил мне боль, все же я не хочу его ни осудить, ни отождествить с его грехом, ни самому вершить суд. Я предоставляю Богу – единственному

⁵¹ Рим 12,21

«испытующему сердца и внутренности»⁵² и «Судии Праведному»⁵³ – взвесить деяния того человека и совершить суд; я не хочу брать на себя эту слишком трудную и деликатную роль, которая подходит лишь Богу. Кроме того, я не хочу замкнуть обидчика в окончательной и безапелляционной сентенции, но сохраняю по отношению к нему надежду, веря, что что-то в нем может измениться, и продолжаю желать ему добра. И еще я верю, что хотя в плане человеческого причиненное мне зло кажется непоправимым, Бог может даже из него извлечь добро... В конце концов, мы можем по-настоящему простить только потому, что Христос воскрес из мертвых, и это Воскресение является гарантией, что Бог может исцелить любое зло.

Пути обид

Надо также осознать, что если, прощая кого-либо, мы и делаем ему добро (прощая ему долг), то главное добро мы делаем самим себе: мы вновь обретаем свободу, которой могли бы лишиться, замкнувшись в обиде и злопамятстве.

Порой наша свобода опутана узами слишком сильных чувств, зависимостью от слишком (и неправильно) любимого человека, который становится нам столь необходим, что мы теряем часть нашей автономии. Но как и чувственная

⁵² Откр 2,23

⁵³ 1 Петр 2,23

зависимость, отказ простить в той же степени приковывает нас к человеку, на которого мы обижены, и связывает нашу свободу. Мы столь же зависимы от людей, которых мы ненавидим, сколь от тех, кого чрезмерно любим. Когда мы на кого-то держим зло, этот человек у нас из головы не выходит, и мы полны негативных чувств, поедающих большую долю нашей энергии; мы все «вкладываем» в эту связь, и у нас не остается психических и духовных сил ни для чего иного. Обида подрывает жизненные силы человека, в котором она живет, и приносит ему много недоброго. Когда кто-то причинил нам страдание, мы по природе склонны тщательно хранить в себе эту боль как своего рода «долговую расписку», которой станем потрясать в подходящий момент, требуя сведения счетов, чтобы заставить обидчика заплатить то, что он нам должен. Но при этом не осознаем, что такие вот накопленные векселя в конце концов нам же самим отравляют жизнь. Разумнее простить все долги, как к тому призывает Евангелие. В ответ и нам все простится, и сердце будет свободно.

Кроме того, мы все по опыту знаем, что из-за затаенной на кого-либо обиды мы утрачиваем всякую объективность по отношению к тому человеку. Мы видим его целиком в черном свете, и полностью теряем способность воспринимать то позитивное, что он мог бы нам принести несмотря на то, что нам в нем претит.

***Какой мерой меряете, такой и вам
отмерено будет***

Один из самых прекрасных евангельских текстов о прощении мы читаем у Луки 6,27-38. Стоит перечитать хотя бы его фрагмент, потому что это основополагающий текст, которым должно определяться наше отношение к ближним.

*«Любите врагов ваших, и благотворите, и
взаимы давайте, не ожидая ничего; и будет
вам награда великая, и будете сынами
Всевышнего; ибо Он благ и к
неблагодарным и злым. Итак, будьте
милосерды, как и Отец ваш милосерд. Не
судите, и не будете судимы; не осуждайте,
и не будете осуждены; прощайте, и
прощены будете; давайте, и дастся вам:
мерю доброю, утрясенною, нагнетенною и
переполненною отсыплют вам в лоно ваше;
ибо, какую мерю мерите, такую же
отмерится и вам».*

Эти слова очень требовательны, но мы должны понимать эту требовательность как великолепный дар, который Бог хочет дать нам. Бог дает то, чего требует. Стало быть, в этом тексте между строчками содержится обетование, что Бог может преобразить наше сердце в такой степени, что мы станем способны любить любовью столь же чистой, столь же безусловной и бескорыстной, как Его собственная любовь.

Бог хочет дать нам способность прощать, как лишь Он Сам способен, и так уподобить нас Себе, потому что ни в чем столь ярко не проявляется Его Божия сущность, как в прощении.

Можно сказать, что вся тайна искупления во Христе, через Его Воплощение, смерть и Воскресение, заключается в этом чудесном обмене: в сердце Христа Бог нас *возлюбил по-человечески*, чтобы сообщить нашим человеческим сердцам способность *любить по-божьему*. Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом, то есть – чтобы он любил, как лишь Бог способен любить: со всей чистотой, силой, нежностью и неустанным терпением, присущим Божией любви.⁵⁴ В этом необычайная надежда и великое

⁵⁴ Прочитируем прекрасный отрывок из св. Иоанна Креста о "качествах" Божией любви, которые душа может воспринять, когда она преобразуется в любовь и соединяется с Богом: "Потому что, когда некто любит и творит благо другому, то творит ему добро и любит его соответственно своему характеру и способностям. Так и твой Супруг, пребывающий в тебе: каков Он есть, такие и творит тебе милости. Будучи всемогущ, Он творит тебе благо и любит тебя со всемогуществом; поскольку Он мудр, ты чувствуешь, как Он любит тебя и творит тебе благо с мудростью; Он бесконечно благ, и ты чувствуешь доброту и благость Его любви; Он Свят, и ты чувствуешь, как Он любит тебя и творит тебе милости со святостью; Он справедлив, и ты чувствуешь, что Он любит тебя и справедливо творит тебе добро; Он милосерд, снисходителен и милостив, и чувствуешь Его милосердие, сострадание и милость; Он могуч, возвышен и деликатен, и ты чувствуешь, что Он любит тебя любовью крепкой, возвышенной и деликатной; и поскольку Он чист и непорочен, ощущаешь, как чисто и непорочно любит тебя;

утешение – знать, что под действием благодати (если мы пребудем открыты и тверды в вере, в молитве и в таинствах) Святой Дух преобразит и расширит наши сердца так, что они станут однажды способны любить, как любит Бог.

Заметим, что в заключительном стихе приведенного выше евангельского текста содержится один из основополагающих законов духовной жизни (и просто человеческой жизни!): *«какою мерою мерите, такую же отмерится и вам»*. На первый поверхностный взгляд, это могло бы значить: Бог с лихвой вознаградит тех, кто щедр на любовь и прощение, и будет скуп к тем, кто мелочен с ближним. Но смысл этого стиха глубже, чем просто наказание или вознаграждение от Бога за наше поведение. На самом деле, Бог не наказывает – это человек сам себя наказывает. Этот стих просто излагает присущий человеческому бытию «закон»: кто отказывается прощать, отказывается любить – тот рано или поздно сам же окажется несчастной жертвой своей нелюбви. Зло, которое мы делаем или

и поскольку истинен, чувствуешь, что любит тебя истинно; великодушен – и признаешь, что любит тебя и уделяет тебе милости великодушно, без всякой корысти, единственно ради сотворения тебе блага; и поскольку являет собой добродетель наивысшего смирения, с наивысшей кротостью и высочайше ценя тебя любит и приравнивает к Себе, открываясь тебе с радостью всеми этими путями познания, с ликом, полным благодати, и речет тебе в сем союзе, к великому твоему ликованию: Я твой и для тебя, и рад быть тем, каков есть, чтобы быть твоим и даровать Себя тебе». *Живое пламя любви, 3, стих 1 §6.*

желаем другим, в конце концов всегда обратится против нас самих. Чье сердце узко по отношению к ближнему, тот сам станет жертвой этой узости. Заключая другого в осуждение, презрение, отвержение, обиду, я сам себя опутываю сетью, которая меня же и задушит. Мои самые глубинные стремления к чему-то абсолютному, вечному, наткнутся на непреодолимые барьеры и не смогут осуществиться. По нехватке милосердия к другому я замыкаюсь в узком мире расчета и выгоды, в котором я сам же и задохнусь. Довольно хоть капли реализма и ясности рассудка, чтобы констатировать этот неумолимый закон: *«Ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта»*⁵⁵.

Прощение выводит нас из этого круга проклятия. Оно означает отпущение всякого долга, и потому снова открывает возможность отношений с ближним на основе бескорыстного дара, что совершенно необходимо для подлинной любви, без которой никто не может по-настоящему жить.

Когда мы ощущаем, что наше сердце болезненно «стеснено», зачастую не нужно тому искать иной причины, кроме следующей: наше сердце узко по отношению к ближнему и отказывается любить и прощать с щедростью. Тогда как щедрость в любви и прощении, доброжелательность в суждениях и милосердие делают нас «сынами Всевышнего» и выводят нас

⁵⁵ Мф 5,26

в мир бескорыстия, в беспредельные океаны любви и божественной жизни, где однажды смогут быть утолены самые глубокие стремления души. Если ты любишь ближнего, говорит нам пророк Исайя, *«тогда откроется, как заря, свет твой, и исцеление твое скоро возрастет... и ты будешь, как напоенный водою сад и как источник, которого воды никогда не иссякают»*⁵⁶.

Благо от чужих несовершенств

В том, что касается недостатков и несовершенств наших ближних, как и относительно прочих неприятностей, стоит осознать, что «нет худа без добра»: в спорных поступках окружающих, причиняющих нам страдания, есть не только негативная сторона, из них можно извлечь и несомненную пользу!

В нас сидит глубоко укоренившаяся тенденция искать в отношениях с людьми нечто, что могло бы восполнить то, чего нам не хватает, и особенно то, чего нам не доставало в детстве. Несовершенства же ближних и причиняемые ими разочарования заставляют нас стараться любить их истинной любовью и строить отношения, которые не замыкались бы на бессознательном поиске удовлетворения собственных потребностей, но приближались бы, чистотой и бескорыстием, к Божией любви: «будьте

⁵⁶ Ис 58,6-12

совершенны, как совершен Отец ваш небесный»⁵⁷.

Человеческие недостатки также помогают нам не ждать от людей того счастья, полноты и чувства удовлетворения, что обретаются только в Боге; и стало быть, побуждают нас «укореняться» в Нем. Порой именно благодаря разочарованию в ком-либо, от кого мы многого ожидали (несомненно, слишком многого...), мы научаемся углубляться в молитву, в общение с Богом, и от Него ожидать той полноты, того мира и чувства безопасности, которые может нам гарантировать лишь Его безграничная любовь. Разочарования в отношениях с людьми дают нам возможность перейти от «боготворящей» любви (с ее чрезмерными ожиданиями) к любви реалистичной, свободной – и потому в конце концов счастливой. Романтической любви всегда угрожают разочарования, любви милосердной – никогда, потому что она *«не ищет своего»⁵⁸.*

Чужие грехи ничего у меня не отнимают

Одна из больших трудностей прощения происходит из следующего: нами овладевает чувство, что вследствие такого-то болезненного происшествия или отрицательного поступка такого-то причастного к нашей жизни человека мы лишились, а то и теперь еще лишены, чего-то для нас важного или даже жизненно

⁵⁷ Мф 5,48

⁵⁸ 1 Кор 13,5

необходимого. Часто обида питается именно этим смутным чувством, что по вине другого мы лишены необходимых благ. Это могут быть и материальные блага, и блага эмоциональные, моральные (я не получил по праву причитающейся мне любви, меня недооценили, а мне это было необходимо, и т.п.), или блага духовные (из-за такого-то настоятеля в моей общине и его поведения я не могу духовно раскрыться...).

Чтобы обрести способность простить и жить в мире и без горечи даже когда окружающие причиняют боль и разочарование, необходимо осознать одну важную вещь: нужно радикально пересмотреть вышеописанное чувство фрустрации, потому что оно не соответствует действительности. Должен обновиться весь мой образ мыслей и суждений, чтобы я смог понять, в чем истинные блага, и так осознать, что на самом деле грехи людей и происходящее от них зло *ничего меня не лишает*. И стало быть, у меня нет никакой веской причины на них злиться.

Конечно же, люди могут меня многого лишить в плане материальном и человеческом. Но они не могут лишить меня самого существенного – единственного и окончательного блага: того, что Бог меня любит, и что я могу Его любить, и проистекающего из этой любви расцвета. Никто и никогда не может лишить меня возможности верить в Бога, уповать на Него, любить Его – в любом месте и в любых обстоятельствах. Никто и никогда не сможет отнять у меня это самое насущное и истинное благо и тем помешать

развиться тому, что есть во мне самого глубокого и определяющего. Потому что человек строит себя главным образом актами веры, надежды и любви; все остальное вторично и относительно, и если человек сего вторичного лишается – это все же не абсолютное зло. Есть в нас нечто неразрушимое, гарантированное Божией верностью и любовью. *«Господь – Пастырь мой, я ни в чем не буду нуждаться... Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня»*⁵⁹.

Чем тратить время и силы, обвиняя других во всем, что не так в нашей жизни, и предъявляя им претензии за все, чего, как нам кажется, они нас лишают, лучше нам стараться обрести духовную самостоятельность, углубляя личную связь с Богом – единственным и неиссякаемым источником всякого блага – и возрастая в вере, надежде и бескорыстной любви. Я должен поверить раз и навсегда, что даже если другие и грешники – это не мешает мне стать святым; что никто меня ничего не лишает; что Бог никогда не дает мне испытывать нехватку в том, что мне необходимо для роста в духовном и человеческом плане, и потому стоять перед Ним на закате жизни и обвинять других в недостатках моего духовного прогресса было бы просто инфантилизмом.

⁵⁹ Пс 23

Сети пассивности

Порой в моменты внутренней борьбы мы бываем особенно озабочены всем, что не так в нашей общине, в семье, в церкви и что вызывает в нас искушение повесить голову и опустить руки. И тогда нужно сказать себе следующее: что бы ни происходило, и какие бы ошибки и грехи ни совершались тут и там, *это у нас абсолютно ничего не отнимает*. Даже если бы я жил среди людей, совершающих денно и ночно все смертные грехи – это не может ни воспрепятствовать мне любить Господа и служить ближнему, ни лишить меня ни единого духовного блага, ни помешать мне стремиться к полноте любви. Хоть бы и весь мир вокруг меня обрушился – это не отнимает у меня возможности молиться, возлагать все свое упование на Бога и любить Его.

Я не призываю замкнуться в башне из слоновой кости и стать совершенно равнодушными к происходящему вокруг или пребывать в постоянной пассивности. Когда в окружающем мире есть проблемы, конечно же, нужно желать, чтобы они разрешились, и распознавать, чего хочет Бог: должен ли я вмешаться? есть ли у меня конкретная реальная возможность что-то сделать? И если да, то сторонняя пассивность была бы грехом неисполнения своего долга.

Но я утверждаю, что даже если кажется, что все вокруг плохо, нам совершенно необходимо сохранять свою свободу уповать, несмотря ни на

что, на Бога и служить Ему горячо и с радостью. На самом деле, дьявол часто ищет способы нас обескуражить, чтобы мы впали в пассивность и утратили радость служения Господу, и тут одно из его излюбленных средств – это внушить нам беспокойство по поводу всего, что вокруг нас не в порядке. Предположим, я состою в какой-нибудь общине. Чтобы заставить меня утратить всякий энтузиазм и духовную энергию, дьявол исхитрится обратить мое внимание на множество негативных деталей в общине, несправедливые действия настоятелей или братьев и сестер, их ошибки, их недостаток усердия, их погрешности – порой серьезные, и так далее. Что взвалит на меня бремя беспокойства, неуверенности, печали и уныния, и в результате постепенно ослабит и мой собственный духовный подъем: что толку прилагать усилия, молиться, быть щедрым в служении, когда в общине такие проблемы? И так человек скоро становится «ни холоден, ни горяч». Нужно распознавать это искушение и реагировать, говоря себе: что бы ни происходило – мне нечего терять, я должен сохранять свой пыл, продолжать любить Бога и молиться всем сердцем, и любить окружающих меня людей, даже если я не знаю, во что все это выльется. Пытаясь любить в повседневной жизни, я не ошибаюсь и не теряю времени впустую – такая любовь не бывает бесплодна. «Туда, где нет любви, внесите любовь – и

пожнете любовь», – говорит святой Иоанн Креста.⁶⁰

Напротив, если я впадаю в печаль и теряю свой пыл из-за того, что в моем окружении есть проблемы, я тем ничего не разрешаю: лишь прибавляю к одной беде другую. Если окружающий меня грех приводит меня в беспокойство и упадок духа, я только ускоряю расширение зла. Мы можем победить зло не иначе, как добром, и затормозить распространение зла не иначе, как духовным усердием, радостью и надеждой, делая сегодня то добро, что в наших силах, без заботы о том, что же будет завтра.

Настоящее зло не вовне, а внутри нас

Еще одна вещь, о которой надо себе напомнить в моменты борьбы, это то, что нам следует заниматься обращением не ближних, а своим собственным. Шанс увидеть обращение ближнего появится у нас лишь в том случае, если мы сперва всерьез возьмемся за наше. Такой подход гораздо более реалистичен и многообещающ: мои возможности воздействия на других весьма незначительны, и маловероятно, что попытки изменить окружающих увенчаются успехом. Тем более, что чаще всего мы хотим, чтобы другие изменялись согласно критериям и срокам,

⁶⁰ Из письма к Матери Марии де Инкарнасьон

установленным скорее нашим человеческим усмотрением, чем Божиими планами. Если же я занят в первую очередь своим собственным обращением – есть больше надежды на какой-нибудь прогресс. Лучше стремиться производить реформы в собственном сердце, чем пытаться реформировать весь мир или церковь: это принесет больше плодов на пользу всем.

Чтобы придать читателю дополнительную мотивацию следовать этой линии поведения, я хотел бы поговорить еще вот о чем: *в какой степени окружающее меня зло способно меня затронуть?* Пусть простят мне те, кого я шокирую, но я считаю своим долгом заявить следующее: окружающее меня зло (чужие грехи, грехи Церкви, грехи общества) затрагивает меня, вредит мне только если находит во мне некоторый отклик, только если я сам дам ему проникнуть в свое сердце.

Конечно же, окружающее меня зло причиняет мне страдания: речь не о том, чтобы задрать люки и стать ко всему безразличным – вовсе наоборот. Чем больше в человеке святости, тем более он страдает при виде зла и греха в мире. Но вредит мне внешнее зло лишь в той мере, в какой моя реакция на него нездорова: если я отвечаю страхами, беспокойством, унынием, печалью, опускаю руки, суечусь в поисках поспешных решений (которые ничего не решают), осуждаю, питаю горечь и обиду, отказываюсь простить и так далее. Как говорит Иисус в Евангелии от Марка, *«Ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его; но что*

исходит из него, то оскверняет человека»⁶¹. Вред не происходит из внешних обстоятельств, но из того, как мы внутренне на них реагируем. «Не то, что происходит снаружи, разрушает наши души, а отклик, который это в нас производит».⁶² Стало быть, мы действительно можем заявить: *зло, что причиняют мне другие, происходит не от них, а от меня*. Еще Отцы Церкви говорили: никто не может ранить человека, кроме него самого.

Соучастие, укрепляющее зло

Мы должны попросить у Господа благодати ясно увидеть все эти скрытые формы соучастия во зле (особенно в сфере слова!), которыми мы не только не находим из него выхода, но напротив, его плодим.

Когда мы слишком фиксируем внимание на том, что не так, превращая это в излюбленную тему для разговоров, когда непрестанно жалуемся на проблемы и впадаем в беспокойство, мы, в конечном итоге, тем самым придаем злу больше веса, чем у него есть на самом деле. Бывает такая манера сетовать по поводу зла, которая его лишь укрепляет. Я недавно слышал от одного священника: «Я не собираюсь всю свою жизнь тыкать пальцем на грех – слишком много было бы для него чести.

⁶¹ Мк 7,15

⁶² Christiane Singer, *Du bon usage des crises*, ed. Albin Michel, p.102

Лучше побуждать к добру, чем осуждать зло». И на мой взгляд, он прав. Это не пропаганда позиции страуса, не желающего взглянуть в лицо реальности, и не отказ действовать; это тот свойственный бескорыстной любви оптимизм, что позволяет мобилизовать все свои силы на добро: *«любовь не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит»*.⁶³

Это верно по отношению к самому себе: мы более уверены и эффективно продвигаемся вперед, когда вкладываем все силы в то добро, на какое все же способны несмотря на свои недостатки, чем когда пребываем чрезмерно озабочены таковыми. И точно так же мы больше содействуем чьему-либо обращению и прогрессу, когда поддерживаем человека в том, что есть в его жизни положительного, чем ловя его на каждом проступке. Добро более весомо и реально, чем зло, и, развиваясь, оно способно одержать победу над последним.

Еще более чревато недоброе удовлетворение, что мы порой испытываем, выискивая и выявляя зло, что как бы оправдывает нашу озлобленность и горечь. Это удобный способ переложить их на окружающих, тогда как их истинная причина – в нашей духовной пустоте и в порождаемой ею неудовлетворенности. Я часто замечал, что самые большие критиканы и недовольные – это те, у кого внутри наибольшая

⁶³ 1 Кор 13

духовная пустота. Что даже наводит на мысль, что некоторым (как в идеологиях наподобие марксизма) просто жизненно необходимо создавать себе врагов – столь велика их внутренняя пустота.

Зло заполняет пустоту

Иисус был погружен в море зла, ненависти, насилия, лжи. Его сердце было сокрушено и пронзено, Его страдания превысили всякую меру человеческих страданий, но Он не стал добычей зла, оно не проникло в Него, потому что Его сердце было исполнено доверия к Отцу, отдано в Его волю в приношении любви. Мы должны *«идти по следам Его: будучи злословим, Он не злословил взаимно; страдая, не угрожал»*⁶⁴. Также и Пресвятая Дева у подножия Креста. Она испила чашу боли, но сердце ее осталось чисто: ни страха, ни бунта, ни ненависти, ни отчаяния, но принятие, прощение и надежда.

Если зло проникает в наше сердце – стало быть, там ему есть где пристроиться, есть ему соучастие. Если страдание делает нас злыми и желчными – это оттого, что сердце наше пусто, не наполнено верой, надеждой, любовью. Если же сердце живет абсолютным доверием к Богу, всего ожидает от Его благости и верности; если цель нашей жизни не в поисках самих себя, но в

⁶⁴ 1 Петр 2,23

творении воли Божией, в том, чтобы любить Его всем сердцем и любить ближнего, как самого себя – тогда у зла нет абсолютно никакой возможности туда проникнуть. Сстрадание – да, может проникнуть, но зло – нет. Святой о. Кольбе погиб в Освенциме в бункере голода, и в этом аду его сердце осталось чистым и невредимым, потому что, будучи сыновне предан Непорочной Деве, он не питал зла на палачей и отдал свою жизнь из любви. Умирая, он и его сотоварищи пели «Величит душа моя Господа». Они победили зло добром.

Разумеется, способность оставаться свободным перед лицом зла не появляется сразу и сама по себе; это результат долгой борьбы, но прежде всего – плод длительного воздействия благодати, которая дает нам силы возрастить в богословских добродетелях. Такая свобода – один из аспектов духовной зрелости, и, несомненно, представляет собой скорее дар Божий, чем результат наших усилий. Однако этот дар нам будет дан тем скорее и вернее, чем больше мы к нему стремимся, его желаем и стараемся действовать в соответствии с вышеописанными установками. Если верой и молитвой мы укореняемся в Боге; если прекращаем упрекать окружающих во всем, что не так в нашей жизни, и считать себя жертвой людей или обстоятельств; если мы решительно берем на себя ответственность, принимая свою жизнь со всеми ее реалиями, и ежечасно используем свою способность верить, надеяться и любить; если мы тверды в решении завоевать

эту свободу, о которой мы говорили – постепенно она нам будет дана.

Царственная свобода детей Божиих

Во время Крещения христианин принимает помазание особым миром в знак обретения им нового статуса: соединившись со Христом, он отныне священник, пророк и царь. Он облачился в царство: в чем его смысл? Он царь, потому что сын и наследник Царя Неба и Земли. А также в том смысле, что отныне он ничему не подчинен, но все покорно ему, что и характеризует царя. И вышесказанное как раз и осуществляется в том, кто дает развернуться благодати Крещения, то есть живет как дитя Божие – в вере, надежде и любви. У него есть свои беды и несчастья, но он уже ничему не подчинен, больше не зависит от счастливых или несчастливых обстоятельств; для него больше не существует негативных событий, но действительно, что бы ни происходило – все ему во благо и помогает возрасть в любви и в Божьем сыновстве. Ни события, ни хорошие или плохие стечения обстоятельств, ни поведение прочих уже не могут оказать на него негативного воздействия, они отныне могут только способствовать его истинному благу, которое в том, чтобы любить.

Это чувство царственной свободы – привилегию того, кто живет в объятиях Отца – выразил Апостол Павел: «*Все – ваше*». И конечно, он добавляет: «*Вы же – Христовы, а*

Христос – Божий»⁶⁵. О том же прекрасно сказано в *Молитве влюбленной души* св. Иоанна Креста:

« Что же ты медлишь? Что выжидаешь? Ведь уже прямо сейчас ты можешь любить Бога в своем сердце.

Мне принадлежит небо, и мне – земля. Мои люди, праведники – мои, и мои – грешники. Ангелы мои, и Матерь Божия, и все – мое; и Сам Бог – мой и для меня, ибо Христос – мой и весь для меня. Так чего ты просишь и ищешь, душа моя? Твое все это, и для тебя.»⁶⁶

⁶⁵ 1 Кор 3,23

⁶⁶ Иоанн Креста, *Молитва влюбленной души*, § 26-27

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

1. Свобода и настоящий момент

Одно из необходимейших условий, чтобы завоевать внутреннюю свободу – это способность жить в настоящем времени. Это основополагающая тема, и ее мы намереваемся развить в данной главе.

Первое замечание: наша свобода на самом деле действительна лишь в данный момент. Возможности воздействовать на прошлое у нас нет никакой, мы не можем его изменить ни на йоту. И все воображаемые сценарии, по которым мы иногда пытаемся заново пережить события, о которых сожалеем и рассматриваем как неудачу (я должен был сделать так-то, надо было сказать то-то...) – бессмысленны: невозможно повернуть время вспять. Единственно возможный акт свободы по отношению к прошлому – это принять его таким, как оно было, и с доверием предать его Богу.

Очень мало у нас и возможностей воздействия на будущее. Все мы отлично знаем, что как бы мы всё ни предвидели, ни планировали и ни подстраховывали – достаточно самой малости, чтобы всё пошло не так, как задумано. Мы не можем по-настоящему программировать свою жизнь; мы можем лишь принимать ее – мгновение за мгновением.

Единственное, что, в конечном счете, нам принадлежит – это нынешний миг. Только здесь и сейчас мы на самом деле можем совершать свободные действия. Только здесь и сейчас мы действительно находимся в контакте с реальностью.

Можно, конечно, трагически сокрушаться о мимолетности мгновения и о том, что ни прошлое, ни будущее нам в полной мере не принадлежат. Но если мы смотрим с перспективы христианской веры и надежды, то настоящий момент открывается нам как богатство благодати и огромного утешения.

Настоящий момент – это прежде всего момент Божьего присутствия. *"Я с вами во все дни до скончания века"*⁶⁷. Бог всегда здесь. Мы должны быть уверены, что каждое мгновение, чтобы в нем ни происходило, наполнено присутствием Бога, богато возможностью общения с Ним. С Богом общаются не в прошлом и не в будущем, но принимая каждое мгновение как момент Его присутствия, как момент, где Он открывается нам. Каждая секунда – это миг единения с вечностью, в ней содержится вечность, в некотором смысле. Чем постоянно переноситься в прошлое или в будущее, стоило бы научиться проживать каждое мгновение как самодостаточное, как полноту бытия, потому что Бог здесь, а если Бог здесь – то всё здесь. Ощущение пустоты, неудовлетворенности, чувство, что нам чего-то не хватает, часто

⁶⁷ Мф 28,20

возникает оттого, что мы живем в прошлом (в сожалениях и разочарованиях) либо в будущем (в страхах или напрасных ожиданиях), вместо того, чтобы в полноте проживать каждый миг, принимая его как есть – как наполненный присутствием Бога, Который, если мы идем к Нему с верой, нас укрепляет и питает. Как говорится в Псалме 145: *«Очи всех уповают на Тебя, и Ты даешь им пищу их в свое время. Открываешь щедрую руку Твою, и насыщаешь все живущее по благоволению»*.

В христианской перспективе, такое понимание благодати настоящего мгновения несет в себе нечто освобождающее. Даже если все мое прошлое было полным провалом, даже если кажется, что и в будущем не видно ни малейшего просвета, *сейчас* я могу, актом веры, доверия и упования, войти в общение с Богом. С Богом, Который всегда здесь – вечно юным, вечно новым, в руке Которого мое прошлое и мое будущее, и Который может все простить, все очистить, все обновить. *«Он будет милостив по любви Своей»*⁶⁸. В нынешнее мгновение, благодаря бесконечно милосердной любви Отца, у меня есть возможность начать с начала, не мучась ни прошлым, сколь бы жалким оно ни было, ни будущим, какие бы над ним ни нависали тучи. Мое прошлое – в руках Божьего Милосердия, которое из всего может извлечь пользу, как из добра, так и из зла; а будущее – в руках Его Провидения, которое меня не

⁶⁸ Соф 3,17

оставит. Такой настрой веры драгоценен, потому что избавляет нас от участи столь многих, живущих в постоянной неудовлетворенности оттого, что чувствуют себя «зажатыми» между давящим на них прошлым и вызывающим беспокойство будущим. Но кто живет в настоящем мгновении, у того сердцу просторно.

2. Глагол «любить» склоняется в настоящем времени

В трактатах о духовности говорится об этапах духовной жизни: градациях добродетелей, ступенях восхождения к совершенству; их насчитывают три, семь, двенадцать, или еще сколько-то – в зависимости от автора. Можно, конечно же, немало почерпнуть из этих рассуждений, будь то описание семи обителей души у святой Терезы Авилльской или двенадцать уровней смирения в уставе святого Бенедикта.

Но опыт научил меня и другому взгляду на вещи. Я часто повторяю, полушутя, что на самом деле лестница совершенства состоит из одной-единственной ступени: той, на которую я поднимаюсь *сегодня*. Не заботясь ни о прошлом, ни о будущем, сегодня я решаюсь верить, принимаю твердое решение полностью довериться Богу, сегодня я делаю выбор любить Бога и ближнего. И каков бы ни был результат моих благих намерений – успех или провал – на следующий день Божиим долготерпением мне даруется новое «сегодня», и я начинаю снова. И

так непрестанно, не пытаясь измерить свой прогресс или определить, на какой я ступени. Не унывая из-за неудач, не кичась успехами, и не полагаясь на свои собственные силы, но лишь на верность Господа.

Эту основополагающую в духовной жизни установку описал Апостол Павел: *«Забывая заднее и простираясь вперед, я стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе... До чего мы достигли, так и должны мыслить и по тому правилу жить»*⁶⁹. Это одна из основ монашеской духовности. Будучи уже столетним старцем, святой Антоний Египетский – отец монашества, почивший в возрасте ста пяти лет – говорил: я еще и не начал путь обращения! Его биограф святой Афанасий рассказывает, что он непрестанно повторял себе вышеприведенные слова Апостола Павла, и добавляет: «Он также всегда держал в памяти слово Илии Пророка: «Жив Господь, перед Которым я стою сегодня». Он подчеркивал, что говоря *сегодня*, Илия не считал прошедшего времени. И так, будучи всегда как бы в самом начале, он всякий день старался явить себя таким, как должно перед Богом – чистым сердцем и готовым следовать Его воле и никакой другой»⁷⁰. По этому принципу жили все святые; ярким примером тут может

⁶⁹ Фил 3, 13-16

⁷⁰ Святой Афанасий Александрийский, *Жизнь святого Антония*

служить святая Тереза из Лизье: «Чтоб любить Тебя, О Иисусе, мне дано лишь сегодня...»⁷¹

3. Мы можем страдать лишь мгновение

Стараться проживать каждый миг как он есть, предавая и прошлое, и будущее в руки, по выражению Бернаноса, *сладчайшей милости Божией*, становится особо важно в моменты страданий. Тереза из Лизье, уже будучи больна, говорила: «Я страдаю лишь мгновение. Человек унывает и отчаивается оттого, что думает о прошлом и о будущем»⁷². Человек не может страдать всю жизнь, он может страдать лишь мгновение за мгновением. Никто не способен выносить страдания на протяжении десяти или двадцати лет. Но на сегодня мне дана благодать, позволяющая мне перенести мою сегодняшнюю боль. Зачастую мы бываем подавлены именно оттого, что проецируемся на будущее. Нас гнетет не само страдание, а то, как мы его представляем. «Главное препятствие всегда – это не сама реальность, а то, как мы ее себе представляем. Реальность человек берет на себя, со всеми связанными с нею страданиями и трудностями – взваливает ее на плечи, и неся ее, закаляет свою выносливость. Но мысленное представление страдания (что не есть само страдание – оно-то плодотворно и может придать ценность жизни) – это представление

⁷¹ Poésie PN5

⁷² Желтая тетрадь, 19 августа

надо разбить. И разбивая представления, которые держат жизнь в плену за своими решетками, мы высвобождаем в самих себе реальную жизнь во всей ее силе и становимся способны переносить реальное страдание – в своей жизни и в жизни человечества»⁷³.

4. Довольно для каждого дня своей заботы

Одно из самых мудрых слов Евангелия: *«Довольно для каждого дня своей заботы»*⁷⁴. Давайте же постараемся принять это важнейшее наставление Иисуса и не станем прибавлять к тяготам сегодняшнего дня, которых и так вполне хватает, еще и вчерашние и завтрашние. Мы часто жалуемся, что слишком страдаем, не отдавая себе при том отчета, что порой это мы сами несколько мазохисты: будто недостаточно тяжести сегодняшнего дня, мы к ней прибавляем сожаления о прошлом и беспокойства о будущем! Неудивительно, что мы бываем столь подавлены... Чтобы жизнь стала более-менее сносной, совершенно необходимо приучиться переживать лишь сегодняшние трудности, предавая прошлое Божью Милосердию, а будущее – Его Провидению.

Мы позволяем прошлому давить на настоящее всякий раз, когда вновь и вновь грызем себя по поводу былых проступков и ошибок, когда бесконечно пережевываем свои

⁷³ Etty Hillesum, *op. cit.*

⁷⁴ Мф 6,34

сожаления, неудачи, когда пытаемся (и ведь впустую!) переобдумать сделанные вчера шаги, как если бы мы могли их изменить. Конечно же, надо попросить у Бога прощения за совершенные проступки и грехи, и в случае необходимости извлечь из них урок, но не возвращаться к ним непрестанно. Один раз искренне раскаялся – и этого достаточно. Мы должны постараться исправить, когда это возможно, причиненное нами зло, но в большинстве случаев нужно просто все предать в руки Божии, веря, что Он в силах все исправить и извлечь добро даже из наших ошибок. Разумеется, я говорю не о безразличии к своим проступкам, и не о том, чтобы относиться ко всему поверхностно и безответственно. Но нужно категорически отвергнуть всякие мысли и настроения, мешающие жить в настоящем и в него, позитивно и с доверием, вкладывать свои силы. А препятствия к тому возникают, когда нас гнетут угрызения, чувство виновности, когда мы постоянно пережевываем свои провалы и впадаем в уныние из-за прошлых ошибок.

Бывает, что у человека возникает чувство, что столько времени ушло впустую, что он упустил много возможностей для любви, для роста. Если это чувство побуждает покаяться и отважно и с доверием вновь пуститься в путь, прося у Бога благодати наверстать потерянное время обновленным усердием – это хорошо. Но если же оно нас ослабляет, создает впечатление, что жизнь безвозвратно загублена, и потому что-

то прекрасное и позитивное нам отныне недоступно – тогда его нельзя допускать. Нельзя замыкаться в прошлом: это означало бы прибавить новый грех к уже совершенным, это было бы недостатком доверия к безграничному милосердию и могуществу Бога, Который любит нас и всегда готов предложить нам новую возможность достичь полноты святости, и наше прошлое для Него не препятствие. Если подступает уныние, когда мы оглядываемся на прожитое и видим, что пройдено слишком мало, нужно собрать всю свою веру и надежду и сказать: благодарю Тебя, Боже мой, за *все* мое прошлое; я твердо верю, что из всего, что я пережил, Ты сможешь извлечь добро; я не хочу жить в сожалениях, и принимаю решение сегодня начать с нуля с *ровно тем же доверием, как если бы вся история моей прошлой жизни была соткана из одной лишь верности и святости*. Нет ничего более угодного Богу, чем такой настрой!

5. Завтрашний день сам будет заботиться о своем

Мы говорили о том, что есть у нас такой порок: добавлять к тяготам сегодняшнего дня тяготы вчерашние, но еще более – тяготы завтрашние. Лекарство от этого – молитвенное размышление о том, что в Евангелии говорится о Провидении (и просьбы о даровании благодати жить по этому учению): *«Не заботьтесь для души*

вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. ... Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть? ... Итак не заботьтесь и не говорите: «что нам есть?» или: «что пить?» или: «во что одеться?»»⁷⁵

Речь, опять же, не о том, чтобы стать людьми непредусмотрительными и безответственными: ведь мы все равно вынуждены строить планы и думать о будущем. Но нужно это делать без *беспокойства*, чтобы заботы не терзали сердце – ведь это ничего не решает, а только отвлекает от того, что предстает перед нами в настоящий момент. Нужно избегать того, чтобы *«навешивать на нынешний день двойной груз в виде тревог о будущем»*⁷⁶. Если сердце охвачено заботами о будущем, оно не может одновременно оставаться восприимчивым к благодати нынешнего момента. Либо одно, либо другое. Стало быть, нам надо «искать Царства», то есть пребывать в единении с Божиим Присутствием здесь и сейчас, в полном любви и доверия поиске Его воли на сегодня, и *«все остальное нам приложится»*. Что, конечно же, не значит, что у нас не будет испытаний или трудностей в будущем. Но по мере их возникновения нам будет дана благодать с ними справляться.

⁷⁵ Мф 6,25-34

⁷⁶ Etty Hillesum, *op. cit.*

Запомним одну важную вещь: благодать, точно так же, как манну, которой питались евреи в пустыне, невозможно «складировать». Ею нельзя запастись, ее можно лишь принимать мгновение за мгновением. Она – часть того «хлеба насущного», о котором мы просим в молитве *Отче наш*. Если сегодня я столь слаб, что падаю в обморок, когда нужно сделать укол, то это еще не значит, что у меня не будет благодати для мученичества, если Бог меня когда-нибудь к тому призовет.

Чтобы не давило на нас ни будущее, ни прошлое, нам надо в обязательном порядке заставить себя взяться за «перевоспитание» собственных психологических установок. Несколько соображений здравого смысла могут в этом помочь.

Весьма редко все происходит так, как было предусмотрено. Многие наши страхи и дурные предчувствия полностью мнимы, в этом нам всем случалось убедиться на опыте. Там, где мы предполагали трудности, все оказывается очень просто; зато появляются сложности, о которых мы и не думали. Соответствие между тем, как мы представляем себе будущие события, и тем, что происходит на самом деле, столь минимально, что стоит держаться подальше от схем, разрабатываемых воображением; лучше принимать вещи как есть, одну за другой, и верить, что получим необходимую благодать в нужный момент, чем пытаться защитить себя от того, что *может* произойти, составляя множество все предусматривающих сценариев, которые в

большинстве случаев ничему не соответствуют. Наилучший способ подготовиться к будущему – это не думать о нем непрестанно, но вкладывать все силы в настоящее мгновение. В Евангелии Иисус объявляет Своим ученикам, что их будут предавать в суды, и прибавляет: *«Итак положите себе на сердце не обдумывать заранее, что отвечать. Ибо Я дам вам уста и премудрость, которой не возмогут противоречить ни противостоять все, противящиеся вам»*⁷⁷.

Проекции в будущее и то представление о нем, что рисует воображение, уводят нас далеко от реальности и в результате мешают справляться с нею. Такие проекции «выкачивают» наши лучшие силы. Приведем еще один отрывок из дневника Этти Хиллесум: *«Когда человек заранее беспокоится о всякого рода событиях, что могут произойти, он не дает им развиваться органически. Я полна огромного доверия. Не уверенности, что внешняя жизнь обернется для меня в лучшую сторону, а веры, что я смогу и дальше принимать жизнь и находить, что она хороша, даже в наихудшие моменты»*⁷⁸.

Страх перед страданием вредит нам больше, чем само страдание, мы уже говорили об этом в предыдущей главе. Также и здесь надо стараться жить по такому правилу: *«Их надо уничтожать ежедневно, как блох – все эти тысячи мелких забот, внушаемых будущим и поглощающих наши лучшие творческие силы. Мы принимаем в*

⁷⁷ Лк 21,14

⁷⁸ Etty Hillesum, *op. cit.*

уме целый ряд мер на грядущие дни, и ничего, абсолютно ничего не происходит, как предвидено. Довольно для каждого дня своей заботы. Надо делать свои дела, а в остальном беречься, чтобы не заразило нас множество мелких тревог, в которых отражается степень нашего недоверия к Богу. В конце концов все устроится... Наш единственный моральный долг – это расчищать в самих себе обширные просеки душевного мира, прокладывая их от человека к человеку, пока этот мир не охватит и других. И чем больше мира в людях, тем больше его будет и вокруг – во всем этом бурлящем мире.»⁷⁹

6. Жить, а не ожидать жизни

Подобает, стало быть, не проецироваться на будущее, но во всей полноте проживать каждый миг с его особой благодатью, принимая его как благо, независимо от его природы, пусть даже неприятной. Это лучший способ подготовиться к следующему мигу. Настоящая жизнь всегда блага, потому что Творец вложил в нее благословение, и оно никогда не было отменено, даже несмотря на грехопадение человека, которое все несколько осложнило. *«И увидел Бог, что это хорошо»*, – говорится в Книге Бытия. Для Бога *видеть* – это не просто констатировать, это значит: сделать реальным. Эта изначально присущая жизни благодать

⁷⁹ Etty Hillesum, *op. cit.* p.227

выражена также в словах Иисуса о Провидении, которые мы цитировали выше: *«Душа не больше ли пищи, и тело одежды?»*⁸⁰

В будущее нас уносит не только беспокойство, но иногда и ожидание более счастливых обстоятельств. Это могут быть конкретные вещи: ожидание приближающейся встречи с любимым человеком, перспектива возвращения домой после долгой и утомительной поездки... Это может быть также ожидание, не имеющее конкретного предмета, несколько размытое, порой воображаемое: человек смутно ожидает момента, когда дела пойдут лучше, когда изменятся обстоятельства и жизнь станет интереснее. Пока что я лишь существую, но вот потом (когда?!) я заживу полноценной жизнью. Такого рода ожидания, конкретные или туманные, разумеется, правомерны, но в них заключается определенная опасность, на которую надо обратить внимание. Так можно провести всю жизнь не живя, а лишь *в ожидании жизни*! И стало быть, «уточнить наводку» по отношению к такой психологической установке – это совсем не мелочь. Ведь на самом деле она нас отрывает от реальности, от настоящей жизни: моя нынешняя жизнь меня не удовлетворяет, я надеюсь, что через несколько дней или несколько месяцев жизнь станет более приятной, и я уже сейчас уношусь туда мыслями, желая, чтобы время текло как можно быстрее,

⁸⁰ Мф 6,2 (здесь "душа" употребляется в смысле "жизнь" – прим.пер.)

чтобы мне наконец оказаться в этом будущем раскладе, которого я желаю. Но тут есть риск недостаточного принятия реальности и моей нынешней жизни. Во-первых, кто мне может гарантировать, что я не буду разочарован, когда наступит столь долгожданный миг? И главное: может оказаться, что в ожидании этого будущего, когда я «заживу по-настоящему», я прохожу мимо чего-то важного в моей сегодняшней жизни. Я не вкладываю достаточно сил в сегодняшний день, и прохожу мимо определенной благодати. Нужно проживать каждый миг во всей полноте, не занимаясь размышлениями о том, идет ли время слишком медленно или слишком быстро, и принимать все, что нам дается мгновение за мгновением.

Чтобы обрести полноту в повседневной жизни, не станем также забывать, что Бог требует от нас лишь какой-то одной вещи на раз. Никогда не двух разом. И неважно, насколько моя нынешняя задача кажется второстепенной (подмести кухню) или значительной (прочитать лекцию для сорока тысяч слушателей) – нужно ее исполнить со всем вниманием, просто, спокойно, и не пытаться разрешить более чем одну проблему за раз. Даже если я исполняю нечто минимальной важности, было бы ошибкой делать это наскоро, чтобы не терять свое драгоценное время и как можно быстрее перейти к делам будто бы более важными. Если какое-то дело, пусть самое заурядное, необходимо и является частью жизни, оно достойно того,

чтобы его исполнить ради него самого, то есть – полностью в нем присутствуя.

7. Быть свободным для других

Это чрезвычайно важно в отношениях с людьми. При каждой встрече, сколько бы она ни длилась, я должен дать другому почувствовать, что я на это время весь для него на сто процентов, и у меня нет никаких других дел и забот, кроме как быть с ним и с ним прожить то, что нам дано пережить вместе, и столько времени, сколько нужно. И не просто из вежливости, но с действительно свободным сердцем. Это очень трудно, потому что в нас сидит чрезвычайно сильный инстинкт собственности относительно времени, и мы словно теряем почву под ногами, если вдруг не можем им распоряжаться по своему усмотрению. Но такова цена истинной любви. Если Иисус столь нежно и сочувственно просит нас не тревожиться ни о чем – это главным образом для того, чтобы сохранить качество человеческих отношений: если сердце полно беспокойства и опасений, то оно не свободно для других и не способно превратить каждую встречу в момент настоящего глубокого общения, из которого мы выходим с довольной душой. Родителям нужно помнить: ребенок вполне способен обходиться без их присутствия и не требовать его постоянно – при условии, что регулярно ему даются моменты общения, когда он ощущает, что у папы

или мамы нет иных забот, кроме как быть с ним. Если мы допускаем, чтобы нас грызли беспокойства, вместо того, чтобы предать их Богу, то не сможем дать такую полноту присутствия, и ребенок останется в неуверенности, действительно ли мы его любим, даже если мы осыпаем его самыми дорогостоящими подарками.

8. Время психологическое и время внутреннее

Если мы будем стараться жить по этому принципу и углублять свою молитвенную жизнь и отношения с Богом так, что станем способны различать Его присутствие в нас, более и более всё переживая в единении с этим живущим в нас Присутствием, мы в конце концов откроем для себя замечательную вещь: внутреннее время, тот ритм благодати, что движет нашей жизнью на самом ее глубинном уровне.

В самом деле, есть как бы два вида времени: время головы и время сердца. Первое – это время психологическое, рассудочное, которое мы себе представляем и разбиваем на часы и дни; время, которым мы пытаемся распоряжаться и его программировать. Время, которого нам всегда не хватает, и которое течет то слишком быстро, то слишком медленно. Но есть и другое время: мы его ощущаем в определенные моменты счастья или благодати, но вообще-то, оно существует всегда, и надо бы

нам постепенно научиться пребывать в нем постоянно. Это – время Бога, время глубинных ритмов благодати в нашей жизни. Это время ни на что не делится и не дробится, оно соткано из непрерывной чреды мгновений, каждое из которых продолжает предыдущее, спокойно и гармонично. Каждое из этих мгновений есть само по себе нечто целое, несет в себе целостность, которая его наполняет так, что нет ни в чем недостатка, и это время достаточно, потому что полно. Полно, потому что я делаю в нем то, что я должен делать, в единении с Божией волей, в открытости Святому Духу. Оно наполнено Присутствием Божиим и нашим вниманием к Его Присутствию, или вниманием к тому или иному человеку, с которым мы вместе проживаем встречу, диалог, общение; наполнено нашим присутствием в том или ином деле, которое мы выполняем спокойно, вкладывая в него все внимание и все сердце. Это время есть причастность вечности. Это не то время, что мы программируем (напротив, мы и можем-то жить в этом внутреннем времени, только если свободны и не привязаны к своим программам), но скорее время, которое мы принимаем.

Если бы мы всегда пребывали в этом времени, то оставляли бы куда меньше зацепок для зла! Ведь дьявол проникает в моменты пустоты или в неправильно прожитое время, когда мы что-то отвергаем или чего-то жадно ищем...

Я полагаю, что святые открыли это внутреннее время и смогли в него вписаться. Для этого необходима огромная свобода, полная

отрешенность по отношению к каким-либо программам и ко всякой собственной воле. Надо быть готовым в следующую секунду делать прямо противоположное тому, что собирался; жить, максимально предав себя в руки Божии, без беспокойства и без страха; не иметь иной заботы, кроме исполнения воли Божией, и быть полностью свободным для событий и людей. Нужно также в молитве обрести опыт единения с Божиим Присутствием в нас, и умение прислушиваться к Святому Духу, чтобы следовать Его побуждениям.

Когда мы живем по этому внутреннему времени, мы познаем на опыте, что ничто не предоставлено воле случая. Хотя мы и идем порой в потемках и неизвестности, тем не менее интуитивно чувствуем и убеждаемся, что жизнь разворачивается в соответствии с неким ритмом, который превосходит наше понимание, над которым мы не властны, но счастливы, если ему следуем; который выводит нас далеко за пределы нас самих, но все события в нем расставлены с безграничной мудростью.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ДИНАМИЗМ ВЕРЫ, НАДЕЖДЫ И ЛЮБВИ

1. Богословские добродетели

В предыдущих главах мы уже неоднократно говорили о важности веры, надежды и любви, которые принято называть «богословскими (или теологальными) добродетелями», то есть добродетелями, соединяющими нас с Богом. И на самом деле главное, что мы хотим сказать в данной книге – это, в сущности, следующее: мы обретаем внутреннюю свободу лишь по мере возрастания в этих добродетелях на практике.

К сожалению, в современном обиходном языке слово «добродетель» утратило значительную часть своего смысла. Для правильного его понимания не надо упускать из виду его этимологический смысл: на латыни «virtus» [переводимое на русский как «добродетель»] значит: «сила». Богословская добродетель веры это вера, становящаяся нашей силой. В Послании к Римлянам говорится об Аврааме: *«Он не поколебался в обетовании Божиим неверием, но был укреплен верою,*

воздав славу Богу и будучи вполне уверен, что Он силен и исполнить обещанное»⁸¹.

Так же и богословская добродетель надежды это не туманное ожидание чего-то размыто-далекого, а внутренняя убежденность в том, что Бог верен и исполнит Свои обетования – уверенность, дающая большую силу. Ну а богословская добродетель любви – это, можно сказать, отважная решимость любить Бога и ближнего.

Эти три богословские добродетели и составляют основную движущую силу христианской жизни. И чрезвычайно важно правильно понять и выделить их роль, и сфокусировать всю духовную жизнь на них, а не на всяких второстепенных аспектах, как то порой происходит. Зрелость христианина – это его способность жить верой, надеждой и любовью. Не тот христианин, кто соблюдает те или иные обряды и обычаи, придерживается тех или иных сводов заповедей и обязанностей; христианин прежде всего тот, кто верит в Бога, на Него возлагает всю свою надежду и желает любить Его всем сердцем и любить ближнего своего. Все предписания христианской жизни, все таинства, молитва, все благодатные дары, что мы получаем от Бога (и в том числе самый возвышенный мистический опыт), направлены к одной цели: возрастанию веры, надежды и

⁸¹ Рим 4,20. *Был укреплен верою* – так в греческом тексте; Синодальный перевод этого стиха не совсем точен (прим. пер.)

любви. Если они не достигают этого результата – нет от них абсолютно никакой пользы.

Новый Завет, и особенно послания Апостола Павла, ясно высвечивает динамизм веры, надежды и любви как сердце христианской жизни. Апостол пишет фессалоникийским христианам, что непрестанно поминает пред Богом и Отцом их *«дело веры и труд любви и терпение упования на Господа нашего Иисуса Христа»*⁸². Также и в духовной борьбе (еще одна дорогая святому Павлу тема) христианин сражается, главным образом, оружием все тех же богословских добродетелей, *«облекшись в броню веры и любви и в шлем надежды спасения»*⁸³.

Отметим, что богословским добродетелям отводится ключевая роль в духовной жизни потому, что именно в них совершенно особым образом наша воля сотрудничает с божественной благодатью. Все доброе и позитивное в нашей жизни происходит от Божией благодати, от ничем не заслуженного и безвозмездного действия Святого Духа в сердце человека. Но благодать не может быть в нас полностью плодотворна, если с ней не сотрудничает наша свободная воля. «Без вас Я вас создал, но без вас Я вас не спасу», – говорил Господь святой Екатерине Сиенской.

Итак, таинственным, но реальным образом богословские добродетели сочетают в себе одновременно *дар Божий и человеческое*

⁸² 1 Фес 1,3

⁸³ 1 Фес 5,8

действие. Это ясно выражено в первой из приведенных чуть выше цитат из Послания к Фессалоникийцам. Веру нам дарует Бог: никто не может сказать «Иисус – Господь», как только Духом Святым. Но в то же время она – решение человека, который актом свободной воли принимает истину, что предлагает ему Священное Писание и Церковное Предание. Этот аспект воли сильнее проявляется, конечно же, в моменты искушений и сомнений: «Я верю в то, во что я желаю верить», – говорила святая Тереза Младенца Иисуса в конце жизни, в период духовной ночи, и носила у сердца листок с текстом *Кredo*, который она написала своею кровью. Бывают моменты, когда вера спонтанна, но не надо забывать, что она – акт, в котором наша свобода добровольно следует слову Божьему, и который требует порой великих усилий. Верить – не всегда получается само собой, и иногда требуется собрать все свое мужество в кулак, чтобы решительно отсечь колебания или сомнения. Не забывая, однако, что акт веры нам становится возможен лишь потому, что «*Дух подкрепляет нас в немощах наших*»⁸⁴.

Также и надежда часто требует усилий. Беспокоиться, унывать и бояться легче, чем надеяться. Надеяться – это значит доверять, и следовательно, надежда не пассивна, она проявляется в акте доверия.

⁸⁴ Рим 8,26

Любовь – это тоже решение. Иногда любить выходит само собой, когда нами движет желание; но нередко любить означает: сделать выбор, решиться любить. Иначе любовь будет лишь эмоцией, чем-то поверхностным и даже эгоистичным, а не тем, что она представляет собой в своей глубинной сущности и в чем задействована наша свобода.

Впрочем, всегда вера, надежда и любовь возможны лишь при воздействии Бога, сокрытом или же ощутимом.⁸⁵ Богословские добродетели пробуждаются и возрастают в сердце благодаря действию Святого Духа и Его педагогике. Но эта божественная педагогика порой приводит человека в немалое замешательство. Чтобы это проиллюстрировать, и укрепить желание сотрудничать с действием благодати, хотелось бы теперь поговорить немного о том, как действует в нас Святой Дух.

⁸⁵ За этими рассуждениями подспудно стоит вопрос по существу: каким образом человеческое действие (акт веры, надежды или любви) может быть одновременно действием полностью человеческим, свободным и добровольным, и в то же время – даром Божиим и плодом действия Святого Духа в сердце человека? Мы касаемся тут глубокой тайны "интеракции" между действием Бога и нашей свободой, вопроса весьма тонкого в философском и богословском плане. Не вдаваясь в эту тему, скажем только, что нет противоречия между действием Бога и свободой человека: Бог творец нашей свободы, и чем больше Он воздействует на наше сердце, тем более Он нас делает свободными. То, что мы совершаем под воздействием Святого Духа, происходит от Бога, но в то же время это действия полностью свободные, полностью сознательные, полностью наши. Потому что Бог ближе к нам, чем мы сами.

2. Три излияния Святого Духа

Разумеется, невозможно полностью «расшифровать» действие Святого Духа в жизни человека, ни определить его законы, ни тем более его спрограммировать: *«Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит»*⁸⁶.

Однако из того, как Дух руководит жизнью человека, как помогает ему возрасть в вере, надежде и любви (ибо в этом цель Его действия), можно вычленить некоторые основные постоянные. И мы попытаемся это сделать – на основе размышлений о тайнах Розария.

Розарий с его разнообразными тайнами – радостными, скорбными, славными – это прекрасная молитва, в которой мы вверяемся Деве Марии, чтобы приобщиться к событиям жизни Христа, всегда живым и животворным. Но молитва эта представляет собой как бы и символ всей христианской жизни. Марта Робан говорила, что «каждая жизнь – Месса»; аналогично можно было бы сказать, что каждая жизнь – Розарий. Мы это увидим явно лишь в конце, когда все зерна на четках будут перебраны и наша жизнь приобретет свою окончательную форму и гармонию – за пределами того, что – в ее видимом течении – на первый взгляд может показаться хаотичным.

Как Розарий состоит из тайн радостных, скорбных и, наконец, славных – также и

⁸⁶ Ин 3,8

относительно «работы» Святого Духа в нашей жизни можно сказать, что бывают «излияния» радостные, скорбные и славные. И этот порядок имеет свое значение, хотя все идет скорее по спирали, чем по прямой.

Есть излияния Духа, вносящие свет и раскрывающие сокровенное; есть такие, что болезненно отсекают все лишнее и внешнее и обнажают внутреннюю сущность человека; и есть излияния Духа, которые укрепляют и наполняют силой. Все три необходимы: в первых рождается вера, вторые нужны, чтобы научить нас надежде, третьи дают отвагу и решимость любить.

Возьмем для примера Апостола Петра: все мы, читающие Евангелие, с ним хорошо знакомы. Его путь очень символичен. В харизматических кругах, где часто говорят об излиянии Святого Духа, на вопрос: «Когда на Апостола Петра излился Святой Дух?» мне обычно отвечают: «В Пятидесятницу!» Это, конечно, так, но прибавлю, что это не единственный раз, и по моему мнению, Петр пережил и другие «излияния Духа» еще до описанного в Деяниях Апостолов. По меньшей мере два, и вот о них-то я и хочу поговорить.

3. Призвание и дар веры

Первое в жизни Апостола Петра излияние Святого Духа произошло, несомненно, в момент его призвания, когда что-то подтолкнуло его

оставить все: род занятий, сети, лодку, семью – чтобы последовать за Иисусом. Его глубоко затронуло слово и особенно личность Иисуса: *«Никогда человек не говорил так, как Этот Человек»*. Петр, воодушевленный и окрыленный встречей с Пророком из Галилеи, интуитивно распознает в Его словах глаголы вечной жизни. И отвечая на призыв Иисуса: *«Следуй за Мною»*, он в то же время предчувствует, что его жизнь примет теперь совсем иной оборот и будет отныне посвящена чему-то необычайному. Святой Дух открывает Петру, кто есть Иисус, и одновременно – новый смысл его собственного существования, и тем наполняет его огромной радостью и счастьем. Начинается небывалое духовное деяние, и Петр им несколько опьянен.

Таковы «радостные» излияния Святого Духа: они распахивают сердце и горизонты, открывают нам величие тайны Христа и призвание следовать за Ним. В такие моменты мы совсем по-новому видим присутствие Христа в нашей жизни, и начинаем по-новому понимать и самый ее смысл. Здесь основная роль Святого Духа – это даровать свет и пробудить в сердце человека ответ, согласие *веры*.

4. Слезы Петра и дар надежды

Но Дух Святой не всегда только обогащает – Он также и делает нищим. Да, Он расширяет горизонты и сердце, но порой заставляет пройти и весьма тесными вратами... Это Петру предстоит

испытать в самый ужасный миг его жизни – в миг предательства. По милосердию Божию, его отречение станет поводом для излияния Святого Духа в глубины его души, и это проявится в его слезах. Слезах, в которых Глава Апостолов ощутит все свое убожество и всю свою греховность, но также и обретет надежду прощения.

Отречение это было для Петра ужасным падением. Всего несколько часов назад он перед всеми заявлял о своей готовности следовать за Иисусом и в темницу, и даже на смерть. Как глава Апостолов он осознавал свой особый долг всех вести за собой и быть им примером. Для того Иисус его избрал, и, несомненно, не ошибся в выборе! Петр всего себя отдал своей, как он ее понимал, миссии! И вот: прекрасные декларации Петра и его острое чувство ответственности по отношению к остальным ученикам – все рушится всего в несколько секунд. Всего-то, вопрос какой-то служанки на дворе первосвященника: *«И ты не из учеников ли Этого Человека?»* И трижды Петр отречется от своего Учителя, клянясь, что не имеет к Нему никакого отношения... Какое сокрушительное падение! Первый стал последним! Но Святой Дух, не зря именуемый Отцом убогих, использует этот несчастный провал, чтобы вновь в глубине коснуться сердца Апостола: Петр встречает взгляд Иисуса, и под этим взглядом осознает весь ужас своего предательства, видит все свое убожество, но в то же время чувствует, что не осуждаем, но любим еще более нежно, чем

когда-либо, и что есть для него надежда восстановления и спасения. И Петр плачет горько, и в этих слезах уже очищается его сердце. Петра спасло то, что он решился встретиться взглядом с Иисусом... А ты, Иуда, зачем же ты скрылся от этого взгляда и замкнулся в своем отчаянии? Ведь и для тебя до последнего мига была надежда спасения и прощения! Твой грех был не тяжелее петрова...

Во взгляде Учителя Петр пережил излияние Святого Духа. Одно из тех «скорбных» излияний, что радикально сдирают с человека все внешнее, являют его полную нищету, но оказываются, в конечном счете, чрезвычайно благотворными, потому что дают ему увидеть свое бессилие, свою абсолютную ничтожность, и вынуждают больше не полагаться на собственные силы, на свои мнимые качества и добродетели, но рассчитывать исключительно на Божие милосердие и верность, обретая таким образом истинную свободу.

Отцы-пустынники говорили: «Кто способен видеть свой грех – больше даже воскрешающего мертвых». Святой Дух заставил Петра измениться в корне: перейти от уверенности в себе к доверию к Богу, от самонадеянности к *надежде*. Можно сказать, что в своем отречении Петр утратил все добродетели, в которых упражнялся и которыми думал обладать: свой пыл, верность Учителю, отвагу и т.д.. В несколько секунд все разлетелось вдребезги. Зато впервые в жизни он встретился с ранее неизвестной ему добродетелью: надеждой. Пока

человек рассчитывает на самого себя, на собственные силы, пока он не лишится всего, он не может по-настоящему жить надеждой. Потому что надежда – это добродетель того, кто знает, что он беспредельно слаб и хрупок, кто никоим образом не рассчитывает на себя, но твердо полагается на Бога, с огромным доверием всего ожидая от Него и только от Него. Встретив взгляд Иисуса, потрясенный до слез Петр впервые в жизни совершает истинный *акт надежды*: чего я неспособен достичь собственными силами, я ожидаю от Тебя, мой Боже, и не в силу моих заслуг, ибо их нет у меня, но единственно в силу Твоего милосердия.

В этом эпизоде из жизни Петра содержится урок фундаментальной важности: истинная надежда, которая по-настоящему соединяет с Богом, происходит только из опыта абсолютной нищеты. Пока человек богат, он рассчитывает на свои богатства; по-другому не может быть, это в нас слишком глубоко сидит. Чтобы научиться надежде, которая заключается в том, чтобы полагаться только на Бога, надо пройти через моменты радикального обнищания. Но в нем – источник огромного счастья, потому что это предварительный этап, позволяющий на опыте познать невыразимую благодать, верность и могущество Бога. *«Блаженны нищие духом (можно было бы перевести: кому Дух открыл их нищету), ибо их есть Царство Небесное»⁸⁷.*

⁸⁷ Мф 5,3

5. Пятидесятница и дар действенной любви

Продолжая символику Розария и переходя, наконец, к славным тайнам, я бы сказал, что Пятидесятница стала для Петра и для остальных Апостолов «славным» излиянием Святого Духа. Излиянием, что наполняет человека Присутствием Божиим, глубоко соединяет со Христом, и самый прекрасный плод которого – это *отважная решимость любить*. Именно тогда, по обетованию Иисуса, Петр принимает «силу свыше»⁸⁸. Эта сила – огонь любви, решимость любить Бога превыше всего, смело исповедовать Его перед людьми и посвятить всю свою жизнь служению ближним в проповеди Евангелия. Горя любовью, что Святой Дух излил в его сердце, Петр будет отныне неутомимым апостолом, будет рад пострадать во имя Иисуса⁸⁹, отдавая всего себя служению братьям, *«паса стадо Божие охотно и богоугодно»*⁹⁰.

6. Огонь освещающий, жгущий и преображающий

Интересно провести параллель между радостными, скорбными и славными излияниями Святого Духа – и образом брошенного в огонь полена у св. Иоанна Креста. Этим образом он

⁸⁸ Деян 1,8

⁸⁹ Деян 5,41

⁹⁰ Ср 1 Петр 5,2-3

иллюстрирует некоторые моменты духовной жизни и дает нам понять, что в каких бы обстоятельствах ни оказывалась душа: счастливых или тяжких, светлых или мрачных – это всегда действие все той же любви, и ее наполняет все тот же свет.⁹¹

Когда огонь приближается к полену, он сначала его освещает и разогревает: это соответствует радостным тайнам. Мы освещены и согреты божественной любовью, что открывается нам. Когда огонь подходит вплотную, он поначалу производит, на первый взгляд, эффект обратного свойства: под воздействием огня дерево начинает чернеть, дымиться, коптить, выделять деготь и прочие вонючие и неблагоприятные вещества. Это излияние скорбное: непреклонный божественный свет проникает в сокровенные тайники души, и она глубоко и болезненно ощущает свою нищету, свой грех, свою сугубую нечистоту. Эта фаза длится столько, сколько нужно, пока очищающий огонь не завершит свое дело и душа не будет вся целиком освещена и охвачена пламенем, преображаясь в огонь любви, как дерево, что наконец загорается и само становится огнем. Это славное излияние, в котором душа утверждается в любви; это тот огонь, что Иисус пришел разжечь на земле.

Главный урок, что заключен в этом образе – это, мне кажется, великий оптимизм. Не надо бояться моментов, когда мы болезненно

⁹¹ см. *Темная ночь души*, книга 2, гл.10

осознаем свою ничтожность: не отчаиваться, но все так же доверчиво предаваться Богу, в уверенности, что рано или поздно это страдание обратится в пылающую любовь. Святая Тереза Младенца Иисуса в письме к своей сестре – Марии Святейшего Сердца – выразила это такими словами: «Будем же держаться подальше от всего блестящего, полюбим быть малыми... и тогда мы будем нищими духом, и Иисус придет взыскать нас. Как бы далеко мы ни были, Он преобразит нас в пламя любви»⁹².

7. Динамизм богословских добродетелей и ключевая роль надежды

Святой Серафим Саровский утверждал, что цель христианской жизни – это стяжание Святого Духа. Но можно прибавить, и это ясно видно из рассмотренных выше событий из жизни Апостола Петра, что цель Святого Духа – пробудить и взрастить в нас богословские добродетели веры, надежды и любви. В этом, можно сказать, Его главная роль, а все остальные харизмы, дары и прикосновения благодати являются лишь инструментами, средством для умножения веры, надежды, любви.

Три богословские добродетели нельзя разделить. Ни одна из них не может по-настоящему существовать без двух других. И здесь мы хотели бы поговорить о том, как они

⁹² Письмо 197 от 17 сентября 1896 г.

между собой сочленяются. И то, что мы собираемся сказать, имеет очень важные конкретные последствия в духовной жизни.

Важнейшая из трех – это, конечно же, любовь. Как сказал святой Иоанн Креста, на последнем суде мерилom нашей жизни будет любовь. Стоит перечитать прекрасный «Гимн любви» из первого Послания к Коринфянам, где Апостол Павел ясно выделяет ее наиважнейшую роль: *«Если я имею всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви: то я ничто»*⁹³. И чуть дальше: *«А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше»*⁹⁴. Вера и надежда временны, они лишь для этой земной жизни, а потом прейдут: в Небе веру заменит видение, а надежду – обладание, и только *«любовь никогда не перестает»*: она ничем не заменяется, потому что к ней-то мы и идем. Что означает, что любовь здесь на земле – это уже наиболее полное участие в жизни небесной, тогда как вера и надежда служат любви, которая одна лишь носит окончательный характер.

Тем не менее, чрезвычайно важно понять, что здесь внизу любовь не может существовать без своих «служанок» - веры и надежды; они ей абсолютно необходимы для роста и развития. Поясним, почему.

⁹³ 1 Кор 13,2

⁹⁴ 1 Кор 13,13

8. Любовь нуждается в надежде, надежда основывается на вере

Не может быть любви без надежды. Любовь – конечный плод жизни в Боге – может возрастать лишь в благоприятных условиях. Для роста и расцвета любви необходимо пространство; она прекрасна, но в некотором смысле хрупка, так как без этого ее «жизненного пространства» любовь можно легко задушить, зажать и сделать бесплодной. Эту особую, необходимую для расцвета любви «среду» и образует надежда. Когда человек внимателен к тому, что происходит в его сердце, то замечает: если любовь не возрастает или даже остывает – это зачастую происходит оттого, что ее заглушают заботы, страхи, тревоги и всякого рода уныние.⁹⁵

В определенном смысле, любовь для человека естественна: он создан для того, чтобы любить, и носит в себе глубокое стремление к самоотдаче.⁹⁶ Как дает понять евангельская притча, любовь прекрасно могла бы расти в его сердце сама по себе, как посеянное зерно всходит и растет само по себе, бдит ли над ним земледелец или же спит.⁹⁷ Но на самом деле часто бывает, что любовь не растет. Ее развитие

⁹⁵ В одной из бесед со св. Фаустиной Иисус говорит ей, что *"наибольшие препятствия для святости это уныние и беспокойство"*. *op.cit.*

⁹⁶ Хотя мы это нечасто осознаем, самая глубинная потребность человека это, несомненно, потребность в самоотдаче.

⁹⁷ Мк 4,26

чем-то заторможено. Это может быть эгоизм, гордыня, упомянутые в Евангелии «забота века сего и обольщение богатства»⁹⁸, либо другие какие препятствия. Но чаще всего корень проблемы – в недостатке надежды.

Из-за нехватки надежды мы по-настоящему не верим, что Бог может сделать нас счастливыми, и строим себе счастье по собственным рецептам, основываясь на эгоистичной жажде обладания. Мы не ожидаем полноты жизни от Бога – и создаем себе искусственную личину: это гордыня. Или же, и это весьма часто встречается среди людей доброй воли, нам и хотелось бы любить, быть щедрыми в любви и самоотдаче, но мы связаны страхами, сомнениями, тревогами. Недостаток надежды, недостаток доверия относительно того, что Божия благодать может произвести в нашей жизни, и того, что мы с ее помощью можем осуществить, неизбежно приводит к сужению сердца и ослаблению любви. И наоборот, говоря словами Терезы из Лизье, доверие ведет к любви.

Когда человек остывает, теряет порыв и щедрость в любви к Богу и ближнему, это часто происходит потому, что в его сердце начинает проникать уныние, может быть, даже какое-то скрытое отчаяние, обладающее расхолаживающим действием. Из-за неудач, разочарований, трудностей, от вида своей нищеты и гложущих нас тревог мы утрачиваем

⁹⁸ Мф 13,22

энергию и «опускаем руки». Волевое усилие тут не поможет; чтобы пробудить любовь, остается одно лекарство: *возродить надежду*, вновь обрести доверие относительно того, что *Бог* может для нас сделать (сколь бы убогими мы ни были) – и того, что *мы* можем совершить с помощью Его благодати.

Опыт духовного руководства убедил меня, что в большинстве случаев недостаток любви, горения, щедрости происходит на самом деле из более или менее осознанного уныния. «Именно уныние губит души», – говорил Франсуа Либерманн. В таком случае, для правильного лечения нужно обнаружить корень этого уныния, «точку отчаяния», и там применить особое средство, которое заключается в том, чтобы вернуть человеку взгляд надежды на этот конкретный аспект его жизни.

Все это соответствует также совсем простой, но немаловажной психологической данности⁹⁹: чтобы воля человека была сильной и предприимчивой, ею должно двигать желание. А желание может быть сильным только тогда, когда его предмет воспринимается как достижимый, возможный. Если он представляется как нечто недостижимое, то человек перестает его горячо желать и жаждать. Невозможно чего-то эффективно желать при наличии психологического чувства, что это «не выйдет». Чтобы вновь пробудить ослабевшую волю, нужно коренным образом изменить само

⁹⁹ Динамизм веры, надежды, любви укоренен в нашей психологической структуре.

видение ситуации, переосмыслить ее в новом ключе – и это позволит нам воспринимать то, чего мы хотим, уже как достижимое и желанное.

Надежда как раз и есть та добродетель, что производит эту перестройку сознания: благодаря ей я знаю, что все могу ожидать от Бога с полным доверием. *«Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе»*, – говорит Апостол Павел.¹⁰⁰ Надежда исцеляет от страха и от уныния, расширяет сердце – и тем дает развернуться любви.

Но для того, чтобы надежда действительно стала силой, она, в свою очередь, нуждается в прочном фундаменте, истине, на которую она могла бы опереться. Фундамент этот ей дает вера: я могу *«сверх надежды поверить с надеждою»*¹⁰¹, потому что *«я знаю, в Кого уверовал»*¹⁰². Вера дает мне принять истину, переданную Священным Писанием, которое непрестанно говорит мне о благодати Бога, Его милосердии, Его непреложной верности Своим обетованиям. В Слове Божием, как сказано в Послании к Евреям, *«твердое утешение имеем мы, прибегшие взяться за предлежащую надежду, которая для души есть как бы якорь безопасный и крепкий, и входит во внутреннейшее за завесу, куда предтечею за нас вошел Иисус»*¹⁰³.

¹⁰⁰ Флп 4,13

¹⁰¹ Рим 4,18

¹⁰² 2 Тим 1,12

¹⁰³ Евр 6,18-20

В Священном Писании нам открывается абсолютно безусловная и непреложная любовь Бога к Своим детям, любовь, явленная во Христе, Который ради нас родился, умер и воскрес. *«Он возлюбил меня и предал Себя за меня»*¹⁰⁴. Верую сердце принимает эту истину и обретает в ней огромную и нерушимую надежду. *«Вера есть мать любви и надежды, а также доверия и уверенности»*¹⁰⁵.

9. Ключевая роль надежды

Из всего вышесказанного становится очевидной ключевая в христианской жизни роль надежды. Можно сказать, что если сама по себе наибольшая из трех богословских добродетелей – это любовь, на практике важнейшая из них – надежда. Пока есть надежда, растет и любовь. Если надежда угасает – любовь остывает. Мир без надежды быстро превращается в мир без любви. Но сама надежда нуждается в вере, будучи ее истинным выражением. Нет живой веры без дел, и первое, что производит вера – это надежда. Святой Иоанн Лествичник говорил, в VII веке, что «вера делает доступным то, что казалось безнадежным», и прибавляет: «Человек веры не тот, кто верит, что Бог всемогущ, но тот, кто верит, что может получить от Бога все».

¹⁰⁴ Гал 2,20

¹⁰⁵ Екатерина де Хук Дохерти, *Пустыня*.

Нам надо бы непрестанно размышлять над словами святого Иоанна Креста, благодаря которым Тереза из Лизье решилась идти своей «тропинкой доверия и любви», когда он говорит: «Человек получает от Бога столько, сколько ожидает»¹⁰⁶. Бог дает нам не по мере наших качеств или заслуг, но по мере нашей надежды. Как эта истина раскрепощает! Ведь даже если бы все наши человеческие и духовные ресурсы оказались несостоятельны, нам всегда остается один, непобедимый – надежда.

Но, как мы уже говорили, надежда может родиться лишь в бедности. Отсюда ясно видно, насколько нищета духа является ключом всякого истинного возрастания в любви. *«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное»*.¹⁰⁷

10. Динамизм греха и динамизм благодати

Итак, мы рассмотрели присущий богословским добродетелям динамизм: вера производит надежду, а надежда создает почву и условия для роста любви. Динамизм этот есть плод благодати, дело Святого Духа, но, разумеется, не без сотрудничества нашей воли. Этот позитивный динамизм пункт за пунктом противостоит негативному динамизму греха:

вера	⇒	надежда	⇒	любовь
сомнение	⇒	недоверие	⇒	грех

¹⁰⁶ Темная ночь души, книга 2, гл.10

¹⁰⁷ Мф 5,3

Анализируя грех и то, как он завладевает сердцем человека (особенно если почитать третью главу Бытия, где повествуется о грехопадении Адама и Евы), можно заметить, что в корне греха лежит *сомнение*, подозрительность: В самом ли деле Бог столь добр, как говорит? Можно ли доверять Его словам? Действительно ли Он Отец? Из этого сомнения рождается *недоверие*: человек уже не ждет полноты счастья от Бога. И пытается справиться сам, никого не слушаясь – и так рождается эгоизм, необузданные желания, зависть, страх, конфликты, насилие и вся свита зла.

Отсюда становится понятно основополагающее значение веры: в ней корень нашего излечения и освобождения; от нее рождается динамика жизни, исцеляющая от динамики смерти, порожденной грехом. Поэтому Иисус так настоятельно говорит о вере. *«Если вы будете иметь веру с горчичное зерно, скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет»*¹⁰⁸. *«Вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом»*, – говорится в Послании к Евреям.¹⁰⁹

11. Надежда и чистота сердца

Из приведенных рассуждений становится ясно видна ключевая роль надежды в

¹⁰⁸ Мф 17,20

¹⁰⁹ Евр 11,1

человеческой жизни: основанная на вере, именно она дает возможность любви расцветать и расти. Можно сказать, что она представляет собой в высшей степени христианскую добродетель. Суть христианской духовной брани в том, чтобы силою веры сохранять надежду по отношению к любой ситуации, по отношению к себе самому, к людям, к Церкви и миру – надежду, которая позволяет на любые обстоятельства отвечать любовью. Напротив, если надежда угасает – автоматически охлаждается любовь, и человек замыкается в стратегиях опасливых и эгоистичных. Именно благодаря надежде мы можем – сегодня и каждое утро – начать сначала, вновь решиться любить. Она – как родник, что непрестанно обновляет и очищает сердце и, вопреки всякой усталости и рутинной скуке, придает ему новую молодость, чтобы любить.

В словах *«Блаженны чистые сердцем; ибо они Бога узрят»*¹¹⁰ содержится одно из самых прекрасных евангельских обетований. Меня поражает, как святой Иоанн, в своем первом Послании, связывает надежду с чистотой сердца. В первых двух стихах третьей главы он замечательно резюмирует содержание христианской надежды: *«Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими. Мир потому не знает нас, что не познал Его. Возлюбленные! Мы теперь дети Божии; но еще не открылось, что будем.*

¹¹⁰ Мф 5,8

Знаем только, что когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть». После чего Апостол продолжает: «И всякий, имеющий сию надежду на Него, очищается так, как Он чист». Из его слов вытекает, что надежда обладает способностью очищать сердце.

Это удивительное утверждение на самом деле вписывается в великую пророческую традицию Ветхого Завета, где чистое сердце не столь то, что не повреждено никакими грехами или ранами, сколько то, что возлагает всю свою надежду на Бога и уверено, что Он исполнит Свои обетования. Чисто то сердце, которое не полагается на себя, ни на человеческие комбинации и расчеты, но всего ожидает от Бога с твердым доверием, и уповает на Бога и *только на Бога*. Напротив, нечистота сердца – это столь часто порицаемая пророками позиция двойственности, когда человек, не имея абсолютного доверия к Богу, обращается также и к идолам, и, не будучи вполне уверен, что Бог подаст ему спасение, клянчит его на стороне. Нечистое сердце – это сердце колеблющееся и раздвоенное.

Тот, у кого сердце чисто, увидит Бога; будет созерцать Его в вечности, но уже и в этой жизни увидит Его действие: Бог ответит на его ожидания и вступится за него. Уповающий на Бога не будет разочарован.

Говоря об очистительной роли надежды, нельзя не процитировать того, кто как никто ее воспевал – Шарля Пеги. Во *Вратах тайны второй*

добродетели он вкладывает даже в уста самого Бога слова изумления от того, что в сердце человека непрестанно возрождается надежда. Приведем несколько строк из этой поэмы:¹¹¹

И спрашивается: Но как это,
Что этот родник – Надежда – бьет вечно,
Вечно течет, вечно струится,
Бьет вечно,
Вечно юна, вечно чиста.
Вечно свежа, вечно в движении.
Вечно живая.
Где берет это дитя столько воды чистой и
прозрачной.
Все эти струи и свежесть.
Она их творит? По потребности?
– Нет, отвечает Бог, – творю лишь Я.
– Тогда где же берет она всю эту воду.
Что течет из ее родника.
Как это, что сей вечный родник
Бьет вечно.
Что сей вечный источник
Вечно струится.
Ведь здесь какой-то секрет.
Какая-то тайна.
Чтобы ее родник никогда не замутились
тяжелые, серые осенние дожди.
Чтобы он никогда не иссякал в палящий
июльский зной.
– Люди мои добрые, отвечает Бог, – все очень
просто.

¹¹¹ Charles Péguy, *Le porche du mystère de la deuxième vertu*.

Ее тайна нехитра, и секрет ее несложен.
Если бы из чистой воды ей создавать
чистые родники,
Родники чистой воды,
Вовек не найти ее довольно, во всем Моем
творении.
Потому что ее не так уж много.
Но именно из мутных вод создает она
хрустальные источники.
И потому в воде нет у нее никогда недостатка.

Но также потому она и есть Надежда.

Но, как же производит она воду чистую из вод
мутных,
Воду юную из старых вод,

Дни юные из старых дней.
Воду новую из сточных вод.

Живые родники из старой воды.
Души свежие из старых душ.

Родники души из души увядшей.
Воду освежающую – из вод тепловатых.

Горе тепловатым.

Юные утра из старых вечеров.
Души прозрачные из душ замутненных.

Воду чистую из воды мутной.
Воду, души детские из уставших душ.

Души рассветные из душ смеркающихся.
Души проточные из застойных душ.

Как ей это удастся, как она это делает –
Это, дети Мои, Мой секрет.
Потому что Я ее Отец.

Души новые из душ поношенных.
Дни новые из дней ветхих.

Души прозрачные из душ замутненных.
Души встающие из душ лежащих.
Дни прозрачные из замутненных дней.

Если бы из дней ясных создавала она ясные дни.
Если бы из душ, из прозрачной воды создавала
она родники.
Из чистой воды создавала бы чистую воду.
Если бы из чистой души создавала она душу
чистую,
Это, видите ли, было бы немудрено. Так и
всякий бы мог. И не было бы тут никакого
секрета.

Но из вод грязных, вод застаревших, вод
безвкусных.
Но из души нечистой создает она душу чистую –
и это самый прекрасный секрет, что только
есть в саду этого мира.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ОТ ЗАКОНА К БЛАГОДАТИ: БЕЗВОЗМЕЗДНЫЙ ДАР ЛЮБВИ

1. Закон и благодать

В Новом Завете тему христианской свободы часто затрагивает Апостол Павел. Во Христе верующий переходит от рабства к свободе, и в своих посланиях Павел горячо отстаивает «свободу славы детей Божиих»¹¹².

Возьмем себе за точку отсчета пятую главу Послания к Галатам, и в частности утверждение, что содержится в первом ее стихе: *«Итак стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства»*. Павла очень беспокоит, что уверовавший рискует тем или иным образом потерять столь драгоценную свободу, которую доставил ему Христос, и этим объясняется резкий тон Послания к Галатам: *«Удивляюсь, что вы от призвавшего вас благодатью Христовою так скоро переходите к иному благовествованию»*¹¹³. *«О, бессмысленные Галаты! кто прельстил вас не покоряться истине, вас, у которых перед глазами предначертан был Иисус Христос, как бы у вас распятый?»*¹¹⁴

¹¹² Рим 8,21

¹¹³ Гал 1,6

¹¹⁴ Гал 3,1

Как, по мнению Павла, христианин оказывается под угрозой потерять свою свободу? В рассматриваемой нами главе Апостол указывает на две «петли», через которые это может произойти: петля **закона** и петля **плоти**.

2. Где Дух Господень, там свобода. Свобода и распущенность.

Петля плоти¹¹⁵ рассматривается в стихах 13-25, и она понятна: вместо того, чтобы следовать побуждениям Духа, «любовью служить друг другу», дабы могли проявиться плоды Духа: «любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание», человек под предлогом свободы предаётся страстям, эгоизму, и погружается в грех во всех его разновидностях: «прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, соблазны, ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное». Павел напоминает прописную истину, но в наше время, когда повсюду происходит смешение понятий, ее не лишне повторить: распущенность это не свобода, а, по сути дела – рабство, когда человек становится пленником всего самого поверхностного, что в нем только есть: своих необузданных желаний,

¹¹⁵ Плоть здесь означает не тело, а раненную и грешную человеческую природу – то, что в человеке сопротивляется Богу.

страхов, душевных ран и.т.д.. Христианину необходимо это осознавать. Ему нельзя уклоняться от непрестанной борьбы против описанных святым Павлом наклонностей, и он должен быть всегда открыт благодати исцеления, идущей от Креста Христова, чтобы постепенно от этих наклонностей освободиться – дабы он мог все более следовать внутренним побуждениям Духа, влекущим к добру, потому что именно в этом истинная свобода. Свободен тот, кто, благодатью Христовой, ускользает от сего проклятия: *«Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю... Бедный я человек!»* и становится способен действительно делать добро.

Основная проблема, что все время подспудно присутствует в учении святого Павла – это отказ от идолослужения: тема, проходящая красной нитью через весь Ветхий Завет. Верующий призван сохранять свободу, не *«предаваться душою идолам»*, то есть не ожидать, что что-либо в этом мире (чувственные удовольствия, власть, слава, работа, отношения с тем или иным человеком...) принесет ему полноту, мир, счастье и чувство безопасности, которые может дать только Бог. Иначе можно оказаться в глубоком разочаровании и нанести немало зла себе и другим.

В дополнение к учению Апостола Павла, в наше время полезно прибавить, что если кто хочет, чтобы его борьба за освобождение от дурных наклонностей имела какие-то шансы на успех, тому нужно запомнить две вещи. Первая –

что собственные усилия недостаточны и лишь благодать Христова может добыть победу, и потому основная борьба, в конечном счете, будет заключаться в молитве, терпении и надежде. Вторая – что от страсти можно исцелиться лишь другой страстью, от не туда зашедшей любви – только большей любовью, от негативных поступков – только позитивными поступками, не отрицая движущее ими подспудное желание, но осознанно его контролируя. Если пытаться лишь напрямую бороться с негативным поведением, не замечая, что за ним скрывается определенное ожидание, какая-то позитивная потребность, которые необходимо признать – такие усилия в конечном итоге ни к чему не приведут. "Грубая" аскеза, что не прибегает к разуму, не пытается понять, не считается с познаниями о личности, которые открывает нам здоровая антропология, которые позволяют за неверными поступками разглядеть те потребности, что мы более или менее осознанно стремимся удовлетворить и помогают найти им удовлетворение правомерное (либо совместимое с нашим призванием замещение) – такая аскеза обречена на провал.

3. Петля закона

Весьма примечательно, что прежде чем изложить традиционное учение об опасности превратиться в раба своих ран и эгоистичных наклонностей, Апостол Павел дает нам понять,

что есть и иная ловушка для свободы христианина – более тонкая, которую труднее распознать, и потому она, в конечном итоге, более опасна: петля закона. На самом деле это лишь иное проявление «плоти», разве что не выражается в безнравственности (а может даже принимать обличье самой строгой морали). Однако тут режим **благодати** замещается режимом **закона**, что, по сути, является искажением Евангелия. Объясним, почему.

Исторические обстоятельства, побудившие Павла говорить в таком тоне, известны: общину, где он проповедовал Евангелие, за его спиной посетили некоторые личности и «поправили» его учение, убеждая новообращенных христиан, что невозможно достичь спасения без обрезания и исполнения многочисленных предписаний Закона Моисеева. Павел реагирует очень резко: если вы так поступаете, то вы *«остались без Христа, отпали от благодати»*¹¹⁶. Сам по себе Закон хорош: он предписывает правильные вещи, помогает различать добро и зло, то, что созидает человека и то, что его разрушает; он исполняет необходимую роль наставника. Но опасность вот в чем: ставя исполнение закона условием спасения, человек следует логике, по которой спасение происходит не из безвозмездной любви Божией, явленной во Христе, а из человеческих деяний. Это две противоположные друг другу логики. Логика благодати: человек получает даром, независимо

¹¹⁶ Гал 5,4

от своих заслуг, спасение и любовь Божию во Христе, и в ответ на эту любовь приносит в дар добрые деяния, которые Дух Святой дает ему совершить. Логика закона: человек заслуживает спасение и любовь Божию именно ценой своих добрых дел. Две противоположные логики, потому что у одной в основе – безвозмездная и безусловная любовь Бога, у другой – человек и его способности.

Для Павла, особенно в свете его личного опыта, чрезвычайно важно, что спасение во Христе – это абсолютно безвозмездный дар, и он часто это подчеркивает, как, например, в Послании к Титу: *«Ибо и мы были некогда несмысленны, непокорны, заблудшие, были рабы похоти и различных удовольствий, жили в злобе и зависти, были гнусны, ненавидели друг друга. Когда же явилась благодать и человеколюбие Спасителя нашего, Бога, Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом»*¹¹⁷. Также и в Послании к Ефессянам: *«Бог, богатый милостью, по Своей великой любви, которою возлюбил нас, и нас, мертвых по преступлениям, оживотворил со Христом, – благодатью вы спасены, – и воскресил с Ним, и посадил на небесах во Христе Иисусе»*¹¹⁸.

Предписания закона сами по себе хороши, но если закон превращают в «логику жизни» – то, с чем человек предстает перед Богом – тогда

¹¹⁷ Тит 3,3-5. См. также 2 Тим 1,9

¹¹⁸ Еф 2,4-6

он становится извращением, ведущим к смерти, так как вступает в противоречие с истиной о безвозмездном даре спасения, и в конечном итоге убивает любовь.

Закон может привести к гордыне: я способен исполнять его предписания, и потому считаю себя праведником и презираю прочих, что делают меньше, чем я. Это грех фарисеев, который с такой силой обличает Иисус в Евангелии, ибо ничто в такой мере не убивает любовь и сострадание к ближнему, как гордыня духа. Но с другой стороны, логика законничества может привести и к унынию: я не в состоянии полностью исполнить требования закона, и меня охватывает отчаяние, чувство виновности, мне кажется, что я осужден окончательно и бесповоротно.

Необходимо еще прибавить, что тот, кто начинает с гордыни, кто превозносится своими духовными «успехами», впадет рано или поздно в отчаяние: ведь неизбежно наступит момент, когда он столкнется с пределами своих возможностей, потерпит полный провал, и тогда основанные на собственных усилиях духовные успехи разлетятся вдребезги.

У этой ведущей к гордыне либо отчаянию логике закона может быть множество вариаций. Закостенелая набожность того, кто во всем действует «из чувства долга», как будто он должен расплатиться с Богом – тогда как на Кресте Христос покрыл все долги человека перед Богом и призывает нас в ответ все предать Ему из любви и благодарности, а не в силу каких

бы то ни было долгов. Страх того, кто всегда ощущает себя виноватым и мучается чувством, что Богу вечно недовольно всего, что он для Него делает. Меркантильность того, кто подсчитывает свои заслуги, замеряет свой прогресс, все время ждет от Бога вознаграждения за усилия и жалуется, когда что-то идет не так, как ему хотелось бы. Поверхностность того, кто, едва сделав что-то доброе, полагает, что уже всего достиг, и отчаивается или бунтует, натываясь на свои пределы. Или еще духовная узость того, кто все меряет аршином строгих предписаний, *«немощих и бедных вещественных начал»*¹¹⁹, *«по заповедям и учению человеческому»*¹²⁰, как: *«не прикасайся, не вкушай, не дотрагивайся»*¹²¹ вместо того, чтобы жить с распахнутым любовью сердцем. Такой человек своим легализмом или перфекционизмом отравляет жизнь другим, превращаясь с существо, не знающее сочувствия и милосердия.

Насколько эта «логика закона» смертоносна (ибо гордыня, отчаяние, легализм, меркантильность и прочие описанные выше установки убивают любовь), настолько «логика благодати» является источником жизни, так как создает возможность расцвета любви. Потому что это логика *безвозмездного дара*, а это единственный уклад, в котором любовь может жить, никакого другого она не терпит. На мой

¹¹⁹ Гал 4,9

¹²⁰ Кол 2,22

¹²¹ Кол 2,21

взгляд, одна из основ Евангелия заключается в следующих словах Иисуса: «*Даром получили, даром давайте*»¹²². Любовь Божия дается абсолютно даром, нет необходимости ее заслуживать, завоевывать, ее нужно только принять посредством *веры*, которая, по Апостолу Павлу, одна открывает доступ к спасению. Ибо является внутренним расположением, благодаря которому человек принимает эту безвозмездную любовь, полностью ей доверяясь. Принятая даром любовь приглашает нас даром любить в ответ. К тому же она постепенно делает нас к тому способными, обновляя наше сердце благодатью Святого Духа, что вдохновляет нас на дела любви и дает нам необходимую силу для их совершения.

Живя сколь более возможно по «логике благодати», мы исцеляемся одновременно и от гордыни (так, мои свершения уже не мои, но Бог дает мне благодать их совершить)¹²³, и от отчаяния, потому что несмотря на все мои провалы, я не обречен на осуждение и знаю, что всегда смогу прибегнуть к абсолютно безвозмездной и безусловной любви Бога, которая меня поднимет.

Напротив, логика закона держит нас в недоброй зависимости: вместо того, чтобы зависеть лишь от любви и милосердия Божия (и так быть свободными, ведь они всегда нам

¹²² Мф 10,8

¹²³ Св. Павел говорит о "*добрых делах, которые Бог предназначил нам исполнять*", Еф 2,10.

даются даром и без меры), мы зависим от самих себя: наше отношение к жизни, самовосприятие, покой, чувство безопасности и т.д. зависят от достигнутых результатов, от успехов или провалов в исполнении определенных предписаний. И это не дает нам вкусить славной свободы детей Божиих, которые знают, что любимы безусловно, независимо от заслуг и «отметок», будь они хорошие или плохие!

4. Учиться любить: динамика дара

В этом мире мы для того, чтобы научиться любить, и учит нас этому Иисус. Научиться любить – это предельно просто: это научиться *давать даром* и научиться *принимать в дар*. Но увы, столь простая вещь для нас ужасно трудна, ведь грех внес в нас столько осложнений!

Для нас уже не естественно *давать даром*: мы сильно склонны давать, чтобы что-то получить в ответ, и наша самоотдача всегда в той или иной степени мотивируется ожидаемым вознаграждением. Евангелие зовет нас преодолеть эти лимиты, чтобы любить столь же чисто и бескорыстно, как любит Бог; любить любовью свободной и постоянной, которая не зависит от того, заслуживает ли ее тот, на кого она направлена, и отвечает ли взаимностью: *«Любите врагов ваших, и благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего; ибо Он благ к неблагодарным и злым. Итак*

будьте милосердны, как и Отец ваш милосерд»¹²⁴.

Нелегко нам и *принимать в дар*. Нам нравится что-то получать, когда это может восприниматься как награда за заслуги, как нечто должное. Принимать в дар предполагает также доверие к дающему, открытое и свободное сердце. Принять значит также: раскрыться навстречу! Кроме того, получать даром предполагает большое смирение. Это может только тот, кто признает и принимает, что он беден, чего гордыня тщательно избегает. Мы умеем заявлять о своих правах, требовать, но очень редко – принимать.

Будь то в отношениях с Богом или с ближними, мы грешим недостатком бескорыстности всякий раз, когда сделанное добро становится для нас поводом на что-то претендовать, требовать признания или вознаграждения. Но также, хотя более завуалировано, и всякий раз, когда из-за какого-то личного недостатка или лимита мы боимся, что нас не будут любить – как если бы любовь надо было зарабатывать или заслуживать. Евангелие всячески стремится разбить эту логику.¹²⁵ Нам трудно принять такой пересмотр наших привычных схем (потому что он выбивает у нас почву из-под ног), но он

¹²⁴ Лк 6,35

¹²⁵ Например, напоминая нам, что мы рабы ничего не стоящие (Лк 17,10), но также и то, что работники одиннадцатого часа получают ту же плату, что и пришедшие первыми (Мф 20,1-16).

жизненно необходим, потому что нам никогда не обрести счастья в рамках логики торга, прав и обязанностей. Для такой логики тоже есть свои основания в этом мире, но нам надо постепенно выйти за ее пределы, чтобы вписаться в логику любви.

Чтобы научиться даром давать и принимать, требуется долгое и трудоемкое перевоспитание психики, которая не обладает необходимыми для такого уклада структурами: тысячелетиями ее развитие определяла неизбежная борьба за выживание.¹²⁶ Можно сказать, что, вторгаясь в мир как своего рода фермент эволюции, Божественное Откровение и Евангелие стремится сдвинуть наш душевный склад в сторону логики бескорыстия, которая есть логика Царства Божия, потому что логика любви. Это процесс обожения, потому что цель тут – обрести способность любить так, как любит Бог: *«Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный»*¹²⁷. Обожение – через истинное очеловечение! Однако для этой прекрасной и

¹²⁶ На самом деле, несмотря на весь технологический прогресс, наш психологический склад недалеко ушел от первобытного человека, то есть сама его структура во многом базируется на механизмах выживания, защиты и т.п. и не способна на отношения, построенные на доверии и даре, на свободную и бескорыстную любовь. Можно сказать, что действие Святого Духа направлено на перестройку нашей психики, чтобы придать ей способность функционировать в этом новом ключе. В этом плане можно интерпретировать и противопоставление, у Апостола Павла, человека душевного и духовного, "старого человека" и "нового".

¹²⁷ Мф 5,48

освобождающей эволюции требуется сотрудничество свободной воли человека, и она не может происходить иначе, чем посредством болезненных перестроек душевного склада, которые порою переживаются как настоящая смерть. В новую манеру бытия можно войти, лишь «похоронив» часть наших врожденных свойств, лишь через своего рода агонию. Но если все же пройти «узкими вратами» такого обращения ментальности, то за ними открывается великолепный мир: это Царство Божие, где единственный закон – любовь, где все – дар, где нет пределов любви, где ее можно давать и получать без ограничений, где больше нет «прав» и «обязанностей», где нет нужды ничего защищать ни завоевывать, нет уже противопоставления между «твоим» и «моим», и сердце расширяется до бесконечности. В этом новом мире правит любовь, любовь чрезвычайно взыскательная (потому что требует всё: пока человек не любит всецело, он не любит по-настоящему), но при этом царственно свободная, так как не имеет иного закона, кроме себя самой.

ДУХОВНАЯ БЕДНОСТЬ И СВОБОДА

1. Потребность быть

Одной из самых глубинных потребностей человека является потребность в личностном самосознании¹²⁸: мне необходимо знать, кто я, мне нужно существовать в своих глазах и в глазах других людей. Мы все страдаем «недостаточностью бытия», и недостаточность эта чрезвычайно глубока. Потребность в самосознании столь насущна, что может привести к искажениям: это особенно очевидно в наше время, когда и мужчины и женщины, и особенно молодежь, способны придавать себе самые невероятные обличья только для того,

¹²⁸ В плане психологическом и духовном, глубочайшей потребностью человека является потребность в любви: любить и быть любимым. С потребностью в любви органично связаны две другие основные потребности: потребность в истине (для того, чтобы любить, нужно знать) и потребность в самосознании (для того, чтобы любить, нужно существовать). Этим трем основным потребностям соответствуют три различаемые в традиционном богословии духовные способности, которыми наделен человек: воля, разум и память. Богословские добродетели позволяют найти в отношениях с Богом конечное удовлетворение этих потребностей: вера открывает доступ к истине, надежда позволяет обрести в Боге уверенность и личностное самосознание, любовь дает нам жить в единении с Богом и ближними.

чтобы существовать в своих собственных глазах и в глазах окружающих, следуя изменчивой моде в соответствии с моделями той культурной среды, с которой они идентифицируются. Также и средства массовой информации преподносят сегодня множество моделей: молодой динамичный кадровый сотрудник, футболист национальной сборной, топ-модель, шпана из пригорода...

В самом поверхностном плане, такая потребность в самоидентификации часто ищет удовлетворения в том, чтобы *иметь*, во владении материальными благами, в определенном внешнем стиле: я отождествляюсь со своими богатствами, физической внешностью, со своим мотоциклом и яхтой. И тогда происходит безумное смешение понятий: потребность **бытия** человек пытается удовлетворить **имением**. Такой самообман может работать какое-то время, но не долго, и быстро сменяется разочарованием... Скольким, к примеру, пришлось в конце концов осознать, что ими интересовались ради их денег, а не ради их самих, и немного побыв в центре внимания, оказаться опять в глухом одиночестве.

На чуть более возвышенном уровне потребность бытия стремится к удовлетворению путем приобретения и реализации каких-нибудь способностей (в спорте, в искусстве, в интеллектуальной сфере). Это уже лучше, но надо осознавать, что тут есть большой риск смешения понятий **быть** и **делать**: личность отождествляется с совокупностью ее талантов и

профессиональных качеств. Но разве это – весь я? А если я утрачу свои способности? Если я – лучший в мире футболист – окажусь в инвалидной коляске? Если я знаю наизусть все шедевры литературы, а в результате аварии потеряю память? Кто я тогда?

Тенденция строить себе «бытие» на основе «делания» содержит, конечно же, позитивный аспект в становлении личности, которая развивается посредством реализации своих разнообразных способностей. Правомерно и благотворно человеку открывать в себе способность делать то-то и то-то, использовать свои потенциалы: так он познает себя, обретает уверенность, испытывает радость реализации заложенных в нем талантов. Образование и педагогика во многом основываются на такой тенденции, и это правильно.

Но нельзя отождествлять личность лишь с совокупностью ее дарований: она гораздо больше того. Невозможно судить о ком-либо только по его талантам. Каждый человек обладает особой значимостью и достоинством – независимо от его умений. Если этого не осознавать, то существует большая опасность оказаться в один прекрасный день в глубоком «экзистенциальном кризисе» из-за какой-либо неудачи, или же начать презирать других, видя их ограниченность или неспособность. Что может сильно исказить человеческие отношения и помешать достичь той самой динамики дара, о которой мы говорили в предыдущей главе и которая характеризует любовь. И что тогда

остаётся бедным и больным в мире, где личность определяется лишь своей эффективностью и видимыми благами, которые она способна произвести?

2. Гордыня и духовная бедность

В этой связи было бы интересно рассмотреть проблему гордыни.¹²⁹ Все мы рождаемся с глубокой раной, которая ощущается как нехватка – нехватка бытия. Эту нехватку люди пытаются компенсировать, что приводит к тому, что каждый человек стремится создать себе компенсаторную личность, в зависимости от вида его раны. Так человек строит себе «эго» отличное от его истинного «я», наподобие надуваемого пузыря. Это искусственное «я» характеризуют некоторые типичные для него черты: поскольку оно искусственно, то требует больших затрат энергии для своего поддержания, и поскольку оно уязвимо, ему нужно обороняться. Гордыня и жесткость всегда ходят парой. Оболочку такого пузыря, весьма далекую от гибкости, составляют «стражи», оберегающие эту искусственную личность, и горе тому, кто ей противоречит, угрожает, ставит ее под вопрос или мешает ей расти: он наткнется на реакции жесткие и агрессивные. Когда Евангелие призывает «отвергнуться себя»,

¹²⁹ Эти мысли заимствованы из статьи брата Эфраима в журнале *Ressources d'eau vive*.

на самом деле подразумевается, что должно умереть это «эго», это искусственно сфабрикованное «я», чтобы могло проявиться «я» истинное – то есть данное Богом.

С той же самой проблематикой мы сталкиваемся, конечно же, и в сфере духовной жизни, где, как и везде, поиск личностного самосознания чрезвычайно активен.

Стремление создать себе свое «я» в сфере духовной жизни нормально и позитивно, и побуждает к росту в плане человеческом и духовном. В нем выражается стремление развиваться, приобретать способности и таланты, следовать тому или иному привлекающему нас примеру, с которым мы в какой-то мере идентифицируемся. В религиозной сфере, желание стать кем-то как святой Франциск Ассизский или Мать Тереза может помочь встать на путь святости, ответить на призвание и так далее. Нет сомнений, что лучше уж стремиться стать кем-то согласно евангельским ценностям, чем в мире большой преступности!

Однако такой подход все же опасен, если на этом только и остановиться. Человек тут стремится к самореализации посредством добродетелей и духовных качеств. Что означает, что неосознанно он идентифицирует себя с тем добром, которое он в силах совершить. Хорошо, разумеется, делать добро (молиться, поститься, служить ближним, нести благую весть, использовать ту или иную харизму и т.п.). Но

чрезвычайно опасно отождествлять себя с тем духовным благом, на которое мы способны.

Потому что, хотя такая форма самоидентификации и выше той, что мы находим в материальных богатствах или в человеческих талантах, все-таки она не менее искусственна и хрупка: она обрушится в тот день, когда потерпит фиаско та или иная наша добродетель, когда мы лишимся той или иной духовной способности, в которую мы вложили столько сил. Как же нам пережить неудачи, когда мы идентифицируем себя со своими духовными достижениями? Я знаю монахов, что все силы отдавали апостолату, тело и душу вкладывали в благое дело, а когда приходилось, из-за болезни или по решению настоятелей, оставить эту деятельность, переживали глубочайший кризис, даже до того, что уже не знали, кто они вообще.

Такое отождествление себя с добром, на которое ты способен, опасно потому, что ведет к гордыне духа: человек более или менее сознательно считает себя источником и причиной этого добра, приписывает его себе самому вместо того, чтобы признать истину: все добро, на которое мы способны, есть безвозмездный дар Божий. Творимое нами добро не является нашей собственностью, оно – даруемое нам Богом поощрение. *«Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?»* – напоминает нам Апостол Павел.¹³⁰ И гордыня эта

¹³⁰ 1 Кор 4,7

понуждает нас судить тех, кто не делает того добра, которым мы кичимся, и проявлять нетерпение по отношению к тем, кто мешает нам осуществить тот или иной проект, и т.д..

Неизбежным результатом такого смешения между *я* и *мои таланты* станет гордыня, черствость, презрение к ближним, но также и страх и уныние. Неудачи будут переживаться очень болезненно, так как вместо того, чтобы восприниматься как обычные (и даже благотворные!) мелкие осложнения по ходу дела, они станут принимать трагическую окраску и переживаться как ущемление самой нашей человеческой сущности, как угроза личности. Откуда, среди прочего, чрезмерный страх провала.

Необходимо со всей твердостью и во всеуслышание заявить: человек гораздо больше того добра, что он способен совершить. Он – дитя Божие. Делает ли он добро, или у него это пока еще не выходит, или он становится к тому неспособен – он все равно дитя Божие, ибо дары и призвание Божие непреложны. Отец наш Небесный любит нас не за добро, что мы делаем; он любит нас даром, ради нас самих, потому что Он навеки принял нас как Своих детей.¹³¹

¹³¹ Осознание этой истины является наивысшей ставкой в часто встречающемся "кризисе середины жизни": на протяжении многих лет человек отдавал всего себя активной деятельности, и вот лет в пятьдесят оказывается в огромной внутренней пустоте, потому что видел смысл существования в делании и ничего не предпринимал для того, чтобы принять свое истинное и неотъемлемое "я" как

Именно потому столь драгоценна противоположная гордыни добродетель смирения, или духовной бедности. Она укрывает наше «я» от всего, что могло бы подвергнуть его опасности. Если сокровище наше в Боге, никто не сможет его у нас отнять. Смирение – это истина: я есть то, что я есть. Не шаткая искусственная конструкция, которой постоянно что-то угрожает, но то, чем я являюсь в глазах Божиих: дитя, абсолютно ничего не имеющее, все получающее извне, но при этом бесконечно любимое и полностью свободное, которому нечего бояться, нечего терять, потому что ему уже заранее все даровано бескорыстной и благожелательной любовью Отца, что однажды сказал ему раз и навсегда: «*Все Мое – твое*»¹³².

Истинное «я», которое гораздо глубже, чем все, что человек имеет или делает, и глубже даже его нравственных добродетелей и духовных качеств, постепенно открывается ему под взглядом Бога. Та самая глубинная сущность, которую никто и ничто, никакое событие, никакое падение или неудача не могут у нас отнять. Сокровище наше не из тех, что истребляют моль и ржа¹³³, оно – на небе, то есть в руках Божиих. Оно не зависит от происходящего с нами, ни от того, что мы имеем или не имеем, ни даже, в определенном смысле, от того, что мы делаем или не делаем, ни от

чада Божия, любимого не за то, что он делает, а потому, что он есть.

¹³² Лк 15,31

¹³³ Мф 6,19

наших успехов или неудач; оно зависит единственно от Бога, от Его доброжелательности и неизменной благодати. Личность человека, его «существо», берет свое начало не в деятельности, но гораздо глубже: в созидательной любви Бога, Который сотворил нас по образу Своему и предназначает нас к вечной жизни с Ним, в непреложной любви.

В этой связи мне хочется привести цитату из уже упомянутого современного автора. «Любовь это то, что нам остается, когда больше не остается ничего. У всех у нас где-то в глубине памяти хранятся моменты, когда поверх всех наших поражений, разлук, с трудом перевариваемых обидных слов, поднимается со дна ночи как бы едва слышная песня – уверенность, что за всеми катастрофами наших биографий, за пределами самой даже радости, горя, рождения, смерти, существует пространство, где ничто не угрожает, где никогда ничто не угрожало, и которое не подвержено никакому риску разрушения: неповрежденное пространство любви, на которой основана наша сущность.»¹³⁴

Это, разумеется, не означает, что наше хорошее или плохое поведение безразлично; нужно сколь более возможно делать добро и избегать зла, ведь грех ранит и нас самих, и окружающих, и исправлять его пагубные последствия часто бывает долго, и дорого обходится. Но, повторяю, мы не имеем права ни

¹³⁴ Christiane Singer, *op.cit.*

путать человека с совершаемым им злом (что означало бы замкнуть этого человека и потерять по отношению к нему всякую надежду), ни отождествлять кого-либо (а тем более самого себя) с его добрыми делами.

3. Духовные испытания

Приведенные выше размышления позволяют увидеть в новом ракурсе божественную педагогику по отношению к каждому из нас, а также значение испытаний в духовной жизни.

Полагаю, что смысл испытаний, через которые мы проходим в христианской жизни – и которые на языке мистики называют «очищениями» – именно в том, что в них разрушаются искусственные и рукотворные личины, чтобы могла проявиться наша истинная сущность: то, чем мы являемся перед Богом. Духовные ночи представляют собой, так сказать, моменты обнищания, и порой очень сурового, когда у верующего радикально отбирается всякая возможность опереться на самого себя, на приобретенные знания и умения (будь то человеческие или же духовные), на свои таланты, способности и даже на свои добродетели. Но эти моменты благотворны, так как в результате он становится способен строить свое самосознание на основе своего истинного «я». В духовной ночи человек видит, что радикально нищ и не имеет сил ни на какое добро и ни на какую любовь, и обнаруживает,

что способен на все возможные грехи. Это переживание порой бывает очень болезненным: например, когда любящий Господа человек проходит фазу, где не чувствует в себе ни малейшей крупички горения, но скорее даже отвращение ко всему духовному. Предать свою жизнь Богу и оказаться столь неспособным на малейшее движение любви к Нему – это ужасное страдание, так как кажется, что потерян самый смысл жизни.¹³⁵ Но благотворность этого испытания в следующем: оно отнимает у человека всякую возможность полагаться на добро, на которое он способен, чтобы единственным фундаментом его жизни стало Божие милосердие.

Речь идет о настоящем внутреннем перевороте: чтобы я опирался не на свою любовь к Богу, а исключительно на Божию любовь ко мне. Один священник сказал мне однажды на исповеди: когда ты больше не веришь в то, что *ты* можешь сделать для Бога, продолжай верить в то, что Бог может сделать для тебя.

Потому что, хотя в период испытания человек и переживает страшное обнищание, но если он все же не отчаивается, а уповает на Господа, то постепенно и параллельно тому он начинает

¹³⁵ В такого рода испытаниях человек не утрачивает любовь к Богу, глубина его существа все так же направлена к Нему, но он теряет ощущение любви. Любовь есть, но она воспринимается как страдание, страдание от чувства неспособности любить, страдание от того, что мало любишь...

осознавать нечто, что до сих пор для него было лишь благочестивой фразой, а теперь становится жизненным опытом: Бог любит меня не за добро, на которое я способен, не за мою любовь к Нему; Его любовь абсолютно ничем не обусловлена, Он любит в силу Себя Самого, в силу Своего милосердия и безграничной нежности, любит меня единственно потому, что Он – мой Отец.

Подобное переживание производит радикальный поворот в христианской жизни, и это огромная благодать: основа моих отношений с Богом и всей моей жизни уже не во мне, но целиком и исключительно в Нем. Что подразумевает также, что я становлюсь полностью свободен: пока мои отношения с Богом основаны хоть отчасти на моих способностях, они неустойчивы; когда же единственным их фундаментом становится отцовство Бога – ничто им не грозит.

Все это, конечно же, не означает, что прошедшему подобное испытание уже все равно, творить ли добро или зло. Напротив, такой человек более, чем когда-либо охвачен любовью к Богу и жаждет быть Ему угодным своими добрыми делами, но теперь совершаемое им добро он делает с чистым сердцем, свободно и бескорыстно. Оно уже не происходит из потребности создать себе свое «я», ни из жажды успеха, ни из необходимости доказать себе или другим свое право существовать. Также им больше не движет подспудное желание заслужить что-либо в ответ. Его исток – в Боге.

Этот «поворот» нашей духовной жизни, в котором глубоко переплетены переживание радикального обнищания и новое раскрытие Бога как Отца, прекрасно описал египетский монах Матта Эль-Мескин (Матфей Убогий) в своем труде о молитве¹³⁶, из которого мы приводим следующий отрывок. Испытание, о котором мы говорили выше, когда душа, прежде горевшая желанием служить Богу, чувствует, что неспособна молиться, любить, что лишена всякого духовного блага, он называет «духовной вялостью»¹³⁷ и так описывает его смысл и то, как оно ставит на новое основание отношения человека с Богом:

«Когда душа предается духовной брани, усердию в молитвах и тщательному соблюдению иных предписаний, установленных в духовной практике, у нее может появиться чувство, что эта ее деятельность и усердие обуславливают ее отношения с Богом. Ей тогда представляется, что именно в силу своей верности и постоянства в молитвах она заслуживает любви Бога и того, чтобы стать Его чадом. Но Бог не хочет, чтобы душа уклонилась на этот ложный путь, который на самом деле окончательно отдалил бы ее от безвозмездной любви Бога и от жизни с Ним.

¹³⁶ *L'expérience de Dieu dans la vie de prière*, éd. du Cerf, p.295.

¹³⁷ Что, разумеется, не надо путать с обычной леностью и сознательной небрежностью в служении Богу.

И потому Он забирает у нее энергию и усердие, которые могли бы привести к ее гибели.

Как только Бог забирает у нее эти способности, что были даны ей даром как доказательства Его любви, то есть энергию и усердие к духовным свершениям, душа остается без сил, неспособной ни к какой духовной деятельности, и оказывается лицом к лицу с сей поразительной истиной, которую она упорно отвергает и считает крайне невероятной: Бог, в Своем отцовстве, не нуждается в наших молитвах и наших деяниях. Поначалу человек держится мысли, что несомненно отцовская любовь Бога удалена от него из-за того, что молитва его остановилась; и что Бог покинул душу и перестал о ней заботиться, потому что ее дела и усердие не были на высоте Его любви. Душа тщетно пытается подняться из глубины падения и горя, чтобы вернуться к своей деятельности, но все ее намерения идут прахом. Затем постепенно душа начинает понимать, что величие Бога не меряется аршином человеческой ничтожности, что Свое наивысшее и все превосходящее отцовство Он распространил на чад праха по Своей бесконечной нежности и неизмерной благодати, а вовсе не в ответ на дела человека и его усилия; что наше усыновление есть истина, берущая свое начало в Боге, а не в нас самих, истина

всегда актуальная, которая упорно – несмотря на наше бессилие и греховность – свидетельствует о Божией благодати и щедрости. Таким образом, духовная вялость заставляет души полностью пересмотреть их представления о Боге и оценку духовных отношений, что соединяют с Ним. Подход к усилию и усердию в духовном делании претерпевает глубокие изменения: они уже не рассматриваются как цена Божией любви, но как ответ на Его любовь и отцовскую заботу».

Следует заметить, что то, что Бог производит в некоторых душах, погружая их в вышеописанную «духовную вялость», Он желает сделать во всех, разве что более, так сказать, нормальным и постепенным образом, используя обычные жизненные переживания: неудачи, бессилие, всякого рода падения, болезни, депрессии, проявления психологической и эмоциональной неустойчивости – независимо от их происхождения, в том числе и по нашей собственной вине. Даже если причины их изначально не имеют отношения к Божественному вмешательству и не связаны напрямую с духовной жизнью, Бог их использует в тех же целях. В конечном итоге, не стоит так уж проводить различия между испытаниями духовными и прочими, ведь Бог использует все, даже то, что Им, так сказать, не «планировалось». Вплоть до последствий наших грехов! И утешительно знать, что можно извлечь

большое духовное благо даже из переживания, в котором нет ничего духовного! Так не будем же бояться моментов, когда жизнь нас обедняет и что-то у нас отнимает, в какой бы то ни было сфере – из этого Бог даст пробиться бесценной свободе.

4. Милосердие как единственная опора

Человек свободный, христианин духовно «зрелый», то есть действительно ставший *чадом Божиим* – это тот, кто познал свою радикальную ничтожность, свою абсолютную нищету, был как бы «обращен в ничто», но на дне этой самой ничтожности наконец открыл для себя невыразимую нежность и абсолютно безусловную любовь Бога. Отныне у него лишь одна опора и одна надежда: безграничное милосердие Отца. Это его единственная страховка. Такой человек во всем полагается на Его милосердие, и только на него, а не на свои личные ресурсы или чужую помощь. Для него осуществилось слово, что Бог адресует Израилю через пророка Софонию: *«Но оставлю среди тебя народ смиренный и простой, и они будут уповать на имя Господне»*. Он от всей души старается делать добро; с радостью и благодарно принимает то благо, что могут доставить ему люди, но и с большой свободой, потому что опора его не в этом, она лишь и только в Боге. Потому он не беспокоится из-за собственных слабостей, и на других не сердится,

что не всегда они соответствуют его ожиданиям. Такая опора лишь на Бога укрывает его от всякого разочарования и сообщает ему большую внутреннюю свободу, которую он целиком ставит на службу Богу и братьям, в радости ответить любовью на любовь.

5. Человек свободный: тот, кому нечего терять

Мир ищет свободы, но ищет ее в умножении имущества и власти. Он забывает важнейшую истину: по-настоящему свободен лишь тот, кому больше нечего терять, потому что ему больше ничего не принадлежит, он ни к чему не привязан, «свободен от всех»¹³⁸ и от всего; тот, о ком можно сказать, что у него смерть уже «позади», так как все его блага отныне в Боге и только в Нем. В высшей степени свободен тот, кто ничего не алчет и ничего не боится. Ничего не алчет, потому что все действительно важное ему гарантировано Богом. Ничего не боится, потому что ему нечего терять, нечего оборонять; он не чувствует угрозы ни с чьей стороны, и стало быть, у него нет врагов. Это нищий из Заповедей Блаженств – ни к чему не привязанный, смиренный, милосердный, кроткий, миротворец.

Эта истина иносказательно выражена в одной из глав романа Солженицына *В круге первом*,

¹³⁸ Выражение из 1 Кор 9,19

где повествуется о встрече, в эпоху сталинской диктатуры, между политзаключенным и высокопоставленным партийным работником. Первый находится в заключении, годы провел в ГУЛАГЕ, семья его погибла под бомбежкой. Парработник же на свободе, живет богато, наделен властью, но непрестанно трясется от страха, потому что может со дня на день стать жертвой одной из непрерывных «чисток» и сесть. Этот зек – ученый – нужен ему, чтобы завершить один проект, где он рискует своей карьерой; и потому он пускает в ход все аргументы, чтобы убедить того сотрудничать в проекте. Солженицын очень тонко показывает в этом диалоге, что на самом деле свободен – и он-то, в конечном счете, и ведет игру – вовсе не облеченный властью парработник, а как раз таки зек, потому что сему последнему нечего терять. Он готов, если придется, отправиться обратно в Сибирь: он знает, что даже в этих чудовищных условиях можно остаться человеком.

Я никому не желаю пройти через подобные лагеря. Я только хочу сказать, что тут есть о чем задуматься. И, если ГУЛАГ и концлагеря и остаются страшной трагедией двадцатого века, они все же изобилуют свидетельствами людей, что парадоксальным образом, лишившись всего, именно в заключении обрели истинную свободу. В своем дневнике Этти Хиллесум, узница в лагере Вестерборк, рассуждает так: «Колючая проволока – это как посмотреть. «Мы за колючей проволокой, – сказал как-то

несгибаемый старый джентльмен, меланхолично поведя рукой, – а они – там – что, не за колючей проволокой живут?» (и ткнул пальцем в сторону высоких вилл, что торчат, как тюремные надзиратели, по ту сторону ограждений)¹³⁹. И в другом месте: «Когда у тебя есть внутренняя жизнь, то уже не так важно, по какую сторону лагерных решеток ты находишься»¹⁴⁰.

6. Блаженны нищие

С течением лет, по мере того, как доводится встречаться с разными людьми, проникать в глубину их души и ощущать, как незаметно, таинственно, но столь реально Бог действует в их жизни и в моей, меня все больше и больше изумляет, какая мудрость заключена в Евангелии, сколь это Слово истинно и сколь удивительно точно оно освещает удел человека в этом мире. Евангелие – парадоксальное и неисчерпаемое, которым, может быть, даже мы, христиане, по-настоящему не начали еще жить – это Евангелие обладает неслыханным свойством: в нем есть сила сделать нас свободными, способными воистину любить; сила действительно нас «очеловечить», что значит также и обожить, потому что мы созданы по образу Божию. В нем наиболее плодотворным и глубоким образом явлены все законы жизни, и особенно те, что позволяют достичь счастья.

¹³⁹ *Op. cit.*

¹⁴⁰ *Op. cit.*

И в сердце Евангелия – Заповеди Блаженств, из которых первая обобщает все остальные: *«Блаженны нищие духом; ибо их есть Царство Небесное»*. Хотелось бы надеяться, что то, о чем говорилось в этой книге, помогло читателю понять это столь поразительное утверждение Иисуса, уловить его истинность и жить в соответствии с ним. Духовная бедность – абсолютная зависимость от Бога и Его милосердия – является условием внутренней свободы. Нам надо стать детьми, и «согласиться всего ожидать как дар от Отца, действительно всего, мгновение за мгновением»¹⁴¹.

Мы не знаем, что ожидает наш мир в грядущие годы, какими событиями будет отмечено третье тысячелетие. Но в одном можно не сомневаться: никогда не будут застигнуты врасплох те, кто сумеют открыть и развернуть неотъемлемое пространство свободы, которое Бог вложил в их сердца, сделав их Своими детьми.

В качестве заключения я хочу предложить к размышлению читателя замечательный диалог между Иисусом и современным испанским мистиком, пожелавшим остаться анонимным, что с детства лично общается с Богородицей. Здесь, на мой взгляд, прекрасно выражены темы, затронутые в этой книге, чтобы прочертить путь к внутренней свободе, и в частности, реалистичное принятие самого себя и вера в

¹⁴¹ Jean-Claude Sagne, *op. cit.*

Бога, присутствующего во всех событиях нашей жизни.

– Ты никогда не задавался вопросом, что в твоей жизни доставляет Мне больше всего радости?

– Нет, отвечал я Иисусу.

Он сказал: «Когда ты свободно и осознанно отвечаешь «да» на Божии призывы».

И продолжал: «Вспомни это слово Евангелия: *«Истина сделает вас свободными»*. Вы можете свободно отвечать на призыв благодати только тогда, когда проясняется для вас истина о вас самих, когда вы смиренно принимаете самих себя и исходя из этой истины ведете диалог с Богом, осознавая, что все, что с вами произошло и происходит, отвечает замыслу любви и Провидения Того, кто есть ваш Отец.

Да, многое приведет вас в замешательство и даже погрузит в толщу плотной тьмы, и еще более – в ранящую и парализующую боль, но сила вашей веры будет вам щитом. Разве Бог не открывается вам как ваш Отец? Разве Я, Сын, не воспринял самое убожество вашего положения? Разве Дух Святой Утешитель вас не защищает? Если вы будете верить в реальность этого душой и сердцем, она пробудит в вас доверие.

Не бойтесь себя! Не бойтесь того, что вы есть на самом деле, в действительности, с которой сталкивается каждый человек – здесь Бог поставил Свою скинию, чтобы

обитать с вами. Бог есть Воплощение, новое имя Бога – Имману-Эль. Бог – с нами: Бог – с твоей действительностью. Откройся ей без страха. Лишь по мере познания самого себя ты познаешь глубину Его любви. В глубине себя ты испытываешь, что ты не один. Некто милосердно и с любовью проник в самое сокровенное таинство твоей человеческой природы, и не как зритель, не как судья, но как тот, кто любит тебя, дарует Себя тебе, сочетается с тобою, чтобы тебя освободить, спасти, исцелить... Чтобы всегда быть с тобою и любить тебя, любить!"

Пасха 2002 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ СВОБОДА И ПРИНЯТИЕ

1. Поиски свободы

Свобода и счастье

*Свобода: притязание на автономность или
согласие быть зависимым?*

Свобода: внешняя или внутренняя?

Освобождение или самоубийство?

В сердцах ваших тесно

Свидетельство для нашего века: Этти Хиллесум

*Внутренняя свобода: свобода верить, надеяться,
любить*

Свобода в действии: выбирать или соглашаться?

*Свобода - это также способность принять и то,
чего мы не выбирали*

Бунт, покорность судьбе, осознанное принятие

2. Принятие самого себя

Бог – реалист

*Желание измениться и принятие себя таким, как
есть*

В зеркале взгляда Божия

Свобода быть грешными, свобода стать святыми

«Ограничивающие убеждения» и запреты

Принять себя, чтобы принять других

3. Принятие страдания

Примириться с неприятностями

*Самое болезненное страдание – это то, от
которого мы бежим*

Отказаться страдать – значит отказаться жить

*Нет худа без добра: позитивная сторона
неприятностей*

*От контроля к преданию себя в руки Божии:
очищение разума*

Понимание Божией воли

*Жизнь мою никто не отнимает у меня, но я сам
отдаю ее*

*Бессилие в испытании и испытание бессилием:
свобода верить, надеяться, любить*

4. Принятие других

Согласиться на страдания, причиняемые людьми

Учитывать психологические различия

Несколько мыслей о прощении

Прощать – это не значит соглашаться со злом

Путы обид

*Какой мерой меряете, такой и вам отмерено
будет*

Благо от чужих несовершенств

Чужие грехи ничего у меня не отнимают

Сети пассивности

Соучастие, укрепляющее зло

Зло заполняет пустоту

Царственная свобода детей Божиих

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ

1. Свобода и настоящий момент
2. Глагол "любить" склоняется в настоящем времени
3. Мы можем страдать лишь мгновение
4. Довольно для каждого дня своей заботы
5. Завтрашний день сам будет заботиться о своем
6. Жить, а не ожидать жизни
7. Быть свободным для других
8. Время психологическое и время внутреннее

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ДИНАМИЗМ ВЕРЫ, НАДЕЖДЫ И ЛЮБВИ

1. Богословские добродетели
2. Три излияния Святого Духа
3. Призвание и дар веры
4. Слезы Петра и дар надежды
5. Пятидесятница и дар действенной любви
6. Огонь освещающий, жгущий и преображающий
7. Динамизм богословских добродетелей и ключевая роль надежды
8. Любовь нуждается в надежде, надежда основывается на вере
9. Ключевая роль надежды
10. Динамизм греха и динамизм благодати
11. Надежда и чистота сердца

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
**ОТ ЗАКОНА К БЛАГОДАТИ:
БЕЗВОЗМЕЗДНОСТЬ ЛЮБВИ**

1. Закон и благодать
2. Где Дух Господень, там свобода. Свобода и распущенность.
3. Петля закона
4. Учиться любить: динамика дара

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
ДУХОВНАЯ БЕДНОСТЬ И СВОБОДА

1. Потребность быть
2. Гордыня и духовная бедность
3. Духовные испытания
4. Милосердие как единственная опора
5. Человек свободный: тот, кому нечего терять
6. Блаженны нищие